

ШОЛОХ

Цикл книг, объединенных огромной магической вселенной Лайонассы. Каждый роман – это самостоятельная законченная история.

ШОЛОХ. ТЕНЕВЫЕ БЛИКИ

Обаятельные Ловчие: умничка Тинави и гений Полянъ.
Светлый магический детектив о Лесном королевстве.
#знакомство_co_вселенной #уют #легкость

ШОЛОХ. ТЕНЬ РАЗРАСТАЕТСЯ

Единственное исключение из системы однотомников: нужно читать
после «Бликов».
#путешествия #тайны_прошлого

ШОЛОХ. АКАДЕМИЯ БУРЯ

Демон, сыщик, студентка, проповедница, оборотень и колдун
на краю света.
#новые_герои #наиболее_классическое_фэнтези

ШОЛОХ. ПРИЗРАЧНЫЕ РОЩИ

Жителям Лесного королевства предстоит сильно измениться: жизнь и
смерть, тайны прошлого, честность и любовь. Обратный отсчет пошел.
#драма_прямо_драма #но_и_уют_много #вам_точно_нужно_прочитать

ШОЛОХ. ОРДЕН СУМРАЧНОЙ ВУАЛИ

Темное терпкое фэнтези: триллер и дарк академия об актрисе,
воре и аристократе.
#новые_герои #драма #вайб_азии #вайб_рима #стекло

ШОЛОХ. ДОЛИНА КОЛОКОЛЬЧИКОВ

Нечеловечески красивые мужчины в заколдованных горах.
#новые_герои #драма #стекло #но_и_уют_много #долина_крашей

Здесь вы можете встретить Тинави из Дома Страждущих

Здесь вы можете встретить Берти Голден-Халлу

Several light gray feathers are scattered across the upper half of the page, some pointing left and some right.

АНТОНИНА
КРЕЙН

Ш О Л О Х
ДОЛИНА
КОЛОКОЛЬЧИКОВ

A black silhouette of a crow or raven perched on a thin vertical line that ends in a small black star.

ЧЕРНЫМ
БЕЛО

A large, light gray feather is centered in the lower half of the page. Two smaller light gray feathers are positioned to its left and right, one above and one below.

МОСКВА 2024

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К79

Иллюстрация на обложке *endinsy*
Карта на форзаце *Анны Лужецкой (Aaerynn)*
Иллюстрация на нахзаце *Ники Шарманки*
Разработка серийного оформления *Кати Тинмей*
Дизайн обложки *Александра Андреева*

Крейн, Антонина.

К79 Шолох. Долина Колокольчиков / Антонина
Крейн. — Москва : Эксмо, 2024. — 512 с.

ISBN 978-5-04-186890-1

О вознице Силграсе Авалати, что бесстрашно ведет свой кэб по горам даже в самые дождливые ночи, известно две вещи.

Во-первых, он нечеловечески красив.

Во-вторых, никогда не говорит о своем прошлом.

Именно к Силграсу в кэб садятся детективы-путешественники: обаятельная Тинави из Шолоха и энергичный Берти из Академии Бури. Они не знакомы друг с другом, но одинаково умны и помешаны на загадках...

Они думают, их ждет просто умеренно скучная дорога. Они заблуждаются.

Призраки в зеркалах, травы, что шепчут о потерянном доме, сотканые из лунного света признания и звон разбитой любви — увидев Долину Колокольчиков, никто уже не уйдет просто так.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-186890-1

© А. Крейн, текст, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

*Всем, кто когда-либо терял и боялся,
что света больше не будет*

1 ЧЕРЕЗ ЧЕРТОГИ ДРЕВНИХ ГОР

Через чертоги древних гор,
Под светом ясных звёзд,
Я отведу тебя в свой дом,
Построенный из грёз...

Старинная дэльская песня

Берти Голден-Халла

Взгляд Моргана Гарвуса полнился неодобрением.

— Тебя наверняка пришибёт камнепадом, Берти. Ты правда этого хочешь? — поинтересовался он таким тоном, что всякому стало бы ясно: Гарвус всерьёз сомневается в интеллектуальных способностях своего друга.

В ответ на это упомянутый Берти лишь лукаво прищурился. Физиономия у него была почти до неприличия довольная, а медно-красные волосы, собранные в низкий хвост, полыхали алым в лучах утреннего солнца.

— Морган, скажи сразу: сколько ещё ты придумашешь причин для того, чтобы я не уезжал? Ты уверен, что твоя идея поселиться одному тут, в центре Глобального Ничего, была такой уж хорошей, а, братишка?

Будучи красивейшим золотовласым блондином с крайне высокомерной внешностью, Морган меньше всего на свете ассоциировался с определением «братишка». Скорее, при взгляде на него вспоминались слова из серии

«мой бог», «господин» и почему-то «спасите». Но Берти придерживался своего мнения на этот счёт.

— Ну и проваливай, — помолчав, махнул рукой Гарвус.

Жест получился настолько драматичным, что хоть сейчас повторай его на большой сцене. Лицо у Моргана при этом было такое, будто Берти только что сожрал его родную матушку, а потом сказал: «Невкусно».

При виде этой истинной трагедии, явленной в образе друга, Бертрам Голден-Халла не выдержал и рассмеялся. Морган закатил зелёные глаза.

— Нет, серьёзно, будь осторожен, — с нажимом повторил он. — Я читал погодную сводку: с начала месяца в горах над Вратами Солнца бушуют грозы. А знаешь, к чему приводит регулярное попадание молний в скалы?

— К камнепадам. Ты повторяешься.

— Просто мне не хотелось бы через пару дней получить письмо с просьбой забрать твой расплющенный труп из морга.

— Не переживай, не получишь. До твоей глуши письмо будет идти минимум две недели.

— Очень смешно, — проворчал Гарвус, глядя на то, как Берти допивает чай и решительно встаёт из-за стола. — Как тебя земля вообще носит, шутника такого.

Голден-Халла лишь простодушно развёл руками и подмигнул в ответ. Потом подхватил саквояж, ждущий своего часа у камина.

Гостиная в шале Моргана Гарвуса была воплощением высокогорного шика: везде дерево, камень, сливочные и карамельные тона. Лестница, ведущая на второй этаж, так и манила подняться и изучить пару спален, кабинет хозяина и библиотеку. Под лестницей пряталась дверь в так называемую «горячую» часть дома: в ванную комнату, сауну и бассейн, построенный над термальным источником.

Берти вздохнул, окидывая шале прощальным взглядом.

Уезжать не хотелось. Морган был его лучшим другом, хоть и мизантропом. Да и дом был классный. А в закол-

дованных горах прекрасно отдыхалось: свежий воздух, древние тайны — что ещё нужно для счастья?

— Я буду осторожен! — кивнул Берти. — А ты здесь не скучай. И обещаю тебе хотя бы *попробовать* поговорить с той симпатичной булочницей, Патти Вареши... Она всегда так на тебя смотрит!

— Как? — с бесстрастным лицом уточнил Гарвус.

— Эм. Ну. Позитивно.

— Я не заинтересован в отношениях.

— Да ладно тебе! Немного флирта ещё никого не убило. Иногда стоит пробовать что-то новое — это полезно для мозга и всё такое.

— Так, Голден-Халла. — Морган сурово сдвинул брови. — С каждой секундой я всё больше поражаюсь тому, что вытерпел с тобой три недели под одной крышей.

— Ага, то есть теперь тебе не жалко меня выпроваживать?.. Прекрасно! Тогда, считай, моя цель разговора о булочнице достигнута.

Они оба уже стояли у порога, а всё никак не могли наконец заткнуться и попрощаться. Вечная проблема друзей, живущих на разных концах света: сколько ни общайся при встречах, всегда будет казаться, что мало.

Наконец Берти понял, что ему действительно следует поторопиться, если он хочет затемно добраться до постоялого двора.

— Возьми, — внезапно сказал Гарвус и протянул что-то Голден-Халле, когда тот уже открыл дверь.

— Что это?

На ладони Моргана лежал красный стеклянный шарик, в глубине которого двигалось золотое свечение.

— Артефакт. Если поймёшь, что горная тропа начала водить тебя по кругу или воздух внезапно наполнился запахом мха и фиалок, активируй его, и он выведет тебя к ближайшему жилую дому. И если что — возвращайся сюда, Берти, пожалуйста. Ты можешь быть сколь угодно сильным магом и опытным детективом, но... Седые горы опасны для тех, кто путешествует в одиночестве.

— Но когда я ехал сюда, всё было хорошо, Морган.

— Вот именно — *сюда*. К ним, как новая игрушка для их недоброй магии. А сейчас ты хочешь уйти, и не факт, что горы так просто тебя отпустят.

Берти задумчиво покачал головой, перекатывая загадочный шарик между пальцами. *Коварные горы? Звучит как вызов, прах побереги.*

— Если что — я вернусь, — пообещал он и крепко обнял друга на прощанье.

Тот — руки по швам — процедил что-то про «мерзейшую слащавость», но вырваться не стал и вообще, кажется, был доволен таким проявлением чувств.

Берти запрыгнул на арендованную лошадь и поехал прочь, вниз с холма, на котором стоял дом Гарвуса. Морган ещё пару минут наблюдал за ним с порога, скрестив руки на груди и опёршись плечом о дверной косяк, а когда кобылка с обернувшимся и машущим ему сыщиком скрылась в сосновом лесу, колдун элегантно поправил волосы и вернулся в дом.

— Так, — вздохнул он, взглянув на своего ворона Кори, всё утро дремавшего на жёрдочке. — Ну что, теперь точно придётся писать диссертацию.

* * *

К ночи субботы Берти прибыл во Врата Солнца — крохотный городок, свернувшийся в ложбинке между горами, из-за чего над ним, вопреки названию, постоянно скапливались облака и тучи. (Возможно, название как раз таки было отчаянной попыткой приманить желаемое.) По плану Берти должен был переночевать здесь, а на следующее утро сесть в дилижанс, который повезёт его прочь из Норшвайна, домой.

Врата Солнца встретили сыщика отнюдь не летним холодом и ливнем.

Газеты, на которые ссылался Морган, не ввали: в округе который день не прекращались грозы. Дороги развезло, возницы из-за сырости и холода заболели

один за другим, транспортный коллапс был очевиден безо всяких камнепадов.

Из-за этого в единственном на весь городок трактире, на чьей вывеске из-за дождя едва читалось название — «Кардамон и перец», — Берти обнаружил прорву гостей, несоразмерную габаритам помещения. Все столы были заняты, подавальщицы сбивались с ног, от громких разговоров гудело в ушах.

— Большинство дилижансов отменилось из-за плохой погоды, — объяснил хозяин, Шоффри, не перестававший разливать напитки: заказы поступали безостановочно. — Тем, у кого были на них билеты, приходится теперь искать места в следующих. А ведь там всё давно уже расписано: середина лета, много путешественников. Вот люди и набиваются во Врата Солнца, как сельди в бочку, уехать не могут. Для кошелька хорошо, но для нервов — так себе...

— Боюсь спросить, как у вас обстоят дела со свободными номерами, — цокнул языком Голден-Халла.

— И правильно боитесь. Нет их. Хотя приди вы на пять минут раньше, я бы нашёл один... Тут у нас двое постояльцев, сблизившись на почве обстоятельств, неожиданно съехались. Кажется, теперь они уже никуда не торопятся. — Шоффри хмыкнул. — Но освободившийся номер мгновенно сняла вот та госпожа, — и трактирщик кивнул за спину Берти.

Голден-Халла обернулся, но успел увидеть только краешек лилового плаща и ногу в изящном мягком полусапожке: обскакавшая его девушка свернула за угол, к лестнице. На сапожке на тоненькой цепочке висел колокольчик, весело звякнувший в тот момент, когда незнакомка скрылась за поворотом — казалось, так он отметил победу над конкурентом в битве за комнату.

— Спи спокойно, — вроде как мило, а всё же немного зловеще пожелал Берти ей вслед.

— Давайте я провожу вас на сеновал, — Шоффри сочувственно покачал головой. — Заодно хоть свежего воздуха глотну. Хей, Чифо! Смени меня на баре!..

К утру Голден-Халла познал все муки сна на стогу сена. Солома немилосердно кололась, а также набивалась ему за пазуху, в рукава и в носки. Даже в рот, стоило сыщику зевнуть или вздохнуть.

— Ничего-ничего, — мужественно скрежетал зубами Берти, пытаясь устроиться и так и эдак. — Зато атмосферно.

И действительно: на сеновале очень приятно пахло, медово ипряно, по-настоящему волшебно. Нескончаемый дождь уютно барабанил по крыше, грохотала гроза. Солевой камень, принесённый хозяином трактира и источающий тепло, тихо светился убаюкивающим оранжевым цветом. Такие заколдованные глыбы соли называли *хоттами* — «горячими».

Но всё равно, когда во Вратах Солнца рассвело и Берти проснулся, он испытал огромное облегчение: пытка сеновалом закончилась.

«М-да, — подумал он философски, глядя на потолочные балки. — Теперь я буду искренне сочувствовать героям книг, которые по тем или иным причинам ночуют в таких местах».

Кое-как отряхнувшись, Голден-Халла вернулся в трактир и заказал завтрак. Зал «Кардамона и перца» постепенно заполнялся гостями-жаворонками — пугающе энергичными поутру. Они возбуждённо переговаривались, щедро посыпали традиционные норшвайнские вафли сахарной пудрой. Берти присмотрелся к обуви всех присутствующих, но ни у кого не было сапог с колокольчиками. Наверное, вчерашняя путешественница всё ещё сладко спит в своей свежей, белой, мягкой, идеальной кровати с хрустящими простынями... Её можно понять.

Не успел сыщик приступить к своему кофе, как на улице послышался цокот копыт, встревоженные голоса и крики.

Дверь в трактир с грохотом отворилась. На пороге стоял молодой гонец в непромокаемом красном плаще,

с которого на дощатый пол тотчас натекла лужа. Он сбросил капюшон, вытащил из-за пазухи свиток и рывком развернул его, чуть не порвав.

— Новости! — гаркнул он так свирепо, что все аж подпрыгнули вместе со стульями, а трактирщик Шоффри чуть не уронил поднос.

— Сегодня ночью! — заорал юноша совсем уж неистово. — В горах!

Где-то вдалеке раздались такие же вопли: другой гонец радовал вестями остальных жителей городка.

— Случился! Камнепад!

— Ох! — с готовностью отозвались гости.

«Ну, Морган, зараза ты ясновидящая», — подумал Берти.

— Оба тракта, ведущие из нашего города, завалены! — гонец, сверкая глазами, драматично пошёл по залу, то и дело останавливаясь возле завтракающих путешественников и буравя их тёмным взглядом. — Согласно прогнозам, на их восстановление уйдёт дюжина дней. В связи с этим все рейсы вплоть до субботнего отменяются!

На сей раз вместо дружного «ох» постояльцы выдали кое-что другое. Витиеватые словесные конструкции на самых разных наречиях взмыли под потолок и заставили гонца немножечко покраснеть, а молоко в чашках свернуться.

— Это всё. Приятного отдыха во Вратах Солнца! — мрачно подытожил юноша и поскорее сбежал из трактира, настроение в котором теперь едва ли можно было назвать радужным.

Пока гости крыли судьбу на чём свет стоит, Берти спокойно допил кофе и пошёл обратно на улицу.

Может, тракты и завалены, но ведь наверняка существуют какие-нибудь извилистые горные тропки, облюбованные местными. Тайные ходы в скалах. На крайний случай — древние великаны лестницы, о которых он прочитал в путеводителе...

В общем, как и в девяноста девяти процентах жизненных перипетий, выход точно есть, и не один — надо просто как следует поискать.

И Берти занялся поисками. Ибо перспектива провести дюжину ночей на сеновале воистину устращала.

2 ВПЕРЁД, ВО ТЬМУ ГОРНЫХ ДОРОГ

Важно: заложить в бюджет премию для Старшего Ловчего Полыни из Дома Внемлющих. Причина: сотрудника ждёт работа под прикрытием в форте Чернолесья. Подробности у мастера Авена Карлистана.

Из записок счетовода Иноземного ведомства

Тинáви из Дома Страждущих

— Ох! — сказала я, неожиданно наткнувшись на забор.

Дождь не то чтобы лил — прошивал шипящими струями всё вокруг, не позволяя толком ориентироваться.

Я отошла от трактира «Кардамон и перец» всего на пятьдесят шагов, а его уже не было видно. Вытяни руку — и твои пальцы исчезнут, поглощённые низвергающейся водой. Ни неба, ни домов, ни собственных стоп, утонувших в реке, которой тут вообще-то не предполагалось.

14 В таких условиях для меня, чужестранки, исследование Врат Солнца превратилось в квест, изобилующий унижениями. Я поскользнулась, провалилась в чавкающую грязью яму и наконец чуть не врезалась в ездового лося, чья морда, внезапно вынырнувшая из дождя, напоминала лик зверского водяного демона. Увидев меня, лось громко всхрапнул, а я чуть было не отдала концы.

Когда моё сердце вновь забилося, я крикнула куда-то туда, где предполагался всадник:

— Вы не подскажете, где находится двор перевозчиков? Я, кажется, заблудилась!

— Немудрено, госпожа! — отозвался невидимый мне человек. — Ливень невероятный! Вам надо продолжать идти прямо, он будет по правой стороне. Но знайте: дороги завалены, дилижансы отменены!

— Спасибо большое! Да, я слышала о последствиях камнепада!

Новость об этом разнеслась сегодня на рассвете, пока я сладко дрыхла в чудом доставшемся мне номере. К тому моменту, как я спустилась завтракать — тогда ещё довольная, улыбочиво-разморённо-отдохнувшая, — всё население трактира уже успешно погрузилось в депрессию. Я не стала присоединяться к этой панихиде над кофейными чашками. Пострадать я всегда успею; я в этом плане мастер мирового уровня; а вот сейчас лучше взять ноги в руки и поискать решение проблемы!

К тому моменту, как я добралась до конюшен, мой лиловый плащ подло отрёкся от звания непромокаемого, а колокольчики на сапогах уже не звенели, лишь жалостливо ныли, требуя немедленно вернуть их в нормальную обстановку.

Зато в стойлах оказалось тепло и сухо, а лампы с живым огнём согрели меня одним своим видом. Вот только жаль, что никто из возниц, в это время ухаживающих за лошадьми, не пользовался никакими тайными тропами. Как быстро выяснилось, они все ездили только по трактам и теперь дружно готовились к продолжительному безделью. Целых двадцать два человека — и сорок четыре лошади — смотрели на меня невинными глазами, явно мечтая, чтобы я поскорее убралась и оставила их наедине с внезапным отпуском.

— Ой, да они просто лентяи! — прыснула девушка, подметавшая пол в том же темпе и направлении, в котором я опрашивала перевозчиков, и поэтому прекрасно слышавшая, что мне нужно. — Вы лучше обратитесь к мастеру Сылграсу Авалáти, что живёт у старого дуба. У него свой кэб, и он всегда пользуется высокогорными дорога-

ми. А ещё он спокойно ездит даже в самую страшную погоду, никакие грозы ему не страшны! — И девушка, обняв метлу, мечтательно закружилась с ней в танце.

Кажется, лихой мастер Силграс был ей по сердцу.

— Спасибо за совет! — Я вновь приободрилась. — А у какого именно дуба из всех старых дубов вашего города живёт мастер Авалати?

— У того, что возле церкви!

Ага.

Вообще это был каштан, но я не стала поправлять свою спасительницу.

Господина Силграса не оказалось дома. Приткнувшись под козырьком крыльца, я долго шарила по карманам в поисках сухой бумажки и карандаша. Церковный колокол у меня за спиной заунывно отбивал полдень, а дождь всё лил и лил, нескончаемый, разнося запахи мокрого камня и старых сосен. Наконец, накорябав записку, я воткнула её в щель между дверью и косяком.

Всё! Будем считать, для человека, не успевшего выпить священный утренний кофе, я сделала достаточно. Теперь мяч моего будущего на стороне судьбы. Пойду поем.

* * *

16

Хозяин «Кардамона и перца» выжидательно смотрел на меня с другой стороны барной стойки. То же самое делала голова оленя, висящая на стене. Больше в обеденном зале никого не было: все разошлись унывать по своим комнатам, а кто-то гулял и плакался дождю. Прятал в нём слёзы отчаяния и незаметно пытался утопиться.

— Ну как? — спросил Шоффри, когда я, решившись, всё-таки попробовала пахнущую плесенью и пылью чёрную кашу, поданную мне в деревянной пиале. — Нравится?

Я в ответ захрипела и заскребла ногтями по столешнице.

— Это... — из моего горла донёсся странный свист, — впечатляет.

— Вот именно, госпожа Страждущая! Такого блюда в вашем Лесном королевстве не найдёшь! Держите-ка водички, а то вы что-то побледнели.

Я залпом выпила стакан и содрогнулась, поняв, что чёрной каши передо мной ещё целая тарелка, а вот мужество уже покинуло меня. Бешеные норшвайнцы делали это жуткое национальное блюдо из горных ящериц, и, небо голубое, я не хочу видеть его больше никогда в жизни, не то что пробовать! Всякой жажде новых впечатлений есть пределы.

— Может, возьмёте с собой в Шолох костяной порошок? Если развести его, получится дешёвая версия такой каши.

— Боюсь, он по пути испортится, я ещё не скоро поеду домой.

— Но он долго хранится.

— Но я ужасно безответственная. Наверняка потеряю; обидно будет.

Шоффри всё понял. Усмехнулся в русую бороду и утешительно похлопал меня по руке.

— Ещё воды, милая?

— Да, пожалуйста, — приспела я.

Надеюсь, за оставшиеся четыре недели отпуска мой голос вернётся в норму. Будучи Ловчей — детективом по делам чужестранцев и магических рас, — я не хочу знаками показывать преступникам, что они арестованы. А то они в ответ покажут мне что похлеще.

Четыре недели, небо голубое! А ведь две, помимо них, уже прошло! Мне до сих пор не верится, что меня сослали... в смысле, отпустили на такой долгий срок.

Как это было: однажды утром шеф, мастер Улиус, внезапно вызвал нас с Полянью к себе в кабинет.

— Тинави! — рывкнул он, едва мы с напарником переступили порог. — Нельзя так много работать и так мало отдыхать! Ты себя угробишь, Страждущая, а меня, в свою очередь, за это угробит трудовая комиссия! Она как раз сегодня на рассвете заглядывала, как всегда, без

предупреждения, причём ко мне домой — чтобы я не сбежал!

Я опешила от такой избирательной претензии.

— Но ведь Польша тоже давно не был в отпуске!

— Ябеда, — проворчал тот и звякнул браслетами.

— С ним я тоже разберусь, не переживай! — рокотал Улиус. — Но ты, как хорошая девочка, должна подать ему пример! Поэтому так: Тинавушка, чтобы ноги твоей не было в ведомстве с двадцатого июня по первое августа! Это приказ!

Он пододвинул ко мне бумаги и всучил перо.

— И будь добра, отдохни как следует, дабы это лохматое чудовище, наслушавшись потом твоих рассказов, взвыло от зависти и само куда-нибудь попросилось! Нагло, уверенно и с полноценной аргументацией попросилось, как у него и принято!

Зевавший Польша вздрогнул.

— Мастер Улиус! — В его голосе звенел укор пополам с ужасом. — А можно говорить обо мне не в среднем роде?! А то я расстроюсь, оброню где-нибудь свою самооценку и буду долго восстанавливать её своим любимым способом, который вам так не нравится!

— Это которым? — призадумался Улиус.

— Совершая трудовые подвиги! — Внемлющий возмутился. — А что, вас что-то ещё не устраивает?

— Конечно. Твои побрякушки, твои безумные методы ведения расследований, твои татуировки...

Глаза напарника, и без того немаленькие, становились всё больше от слова к слову.

— Так, всё! — воскликнула я, расписываясь в документах настолько быстро, насколько это было возможно — пока тут кто-нибудь кого-нибудь не убил. — Бумаги оформлены. Отпуск ждёт.

— Молодец, Тинавушка! — одобрил шеф.

А Польша, когда мы вышли, запрыгнул на лестничные перила и по ним медленно, рядом со мной, поехал на первый этаж.

— Про методы было обидно, конечно. Но шефу не нравятся мои татуировки! — Хитрая улыбка расцвела на его лице. — Ну наконец-то он признался. Я чуял, чуял, что они его бесят! И вот мы выбили из него правду!.. Хей, малёк, а ты чего такая задумчивая?

— Да меня тут в изгнание отправили, если ты не заметил. — Я помахала свитком. — Месяц с лишним отпуска, Польша! Это ужасно ответственная задача, так-то. Вот я и прикидываю, куда послать своё брненное тело в поисках приключений.

— Езжай куда-нибудь, где происходит побольше всякой дичи. Тебе же потом нужно заставить меня завидовать, не так ли? Вот и постарайся, душа моя. — Он подмигнул, и я, не удержавшись, ткнула его под рёбра.

Польша взвыл и расхохотался.

— Шучу, — сказал он чуть позже. — Лучше хорошенько отдохни. И, конечно, выбирай безопасное место.

— А всё, а поздно, я запомнила первый совет.

В общем-то, после некоторых размышлений я решила отправиться в графство Норшвайн, где уже три года живут мои родители.

Всю неделю, что я провела у них, папа хвастался своей новой лабораторией, а мама неистово кормила меня вишнёвыми пирогами. Эти пироги — отдельная песня! Иногда мне кажется, что родители переехали на север не потому, что папе предложили почётную должность графского алхимика, а как раз из-за маминой выпечки. Слишком уж она всегда была хороша. Должно быть, булочники всея лесной столицы объединились, пожаловались королю на недостижимый идеал вишнёвого пирога, и его величество нежно попросил госпожу Драссен придумать что-нибудь, не терзать чужую гордость. И когда встал выбор: печь или не печь? — мама решила печь. Просто где-нибудь в другом месте: надо же, в конце концов, осчастливить вкусовые рецепторы и остальных народов.

Мама переезжала с огромным энтузиазмом. Папа — тем более. Мой непоседливый характер — от них.

Ну а после отдыха в обществе своих ближайших и дражайших я отправилась дальше. По плану я собиралась меее-едленно двигаться обратно к Шолоху, по дороге заезжая во все симпатичные городки без исключения. В этом отпуске я буду слушать своё сердце и левую пятку, а не разум — так я решила.

А вот Врата Солнца в свою очередь решили привязать меня к себе посредством камнепада... Но тут мы ещё посмотрим, кто кого.

* * *

Размышляя обо всём этом, я подъедала взбитые сливки с горячего шоколада, которым пыталась восстановить своё душевное равновесие после каши. Едва я сунула в рот последнюю ложечку, как кто-то похлопал меня по плечу.

Поперхнувшись от неожиданности, я оглянулась.

Передо мной стоял хрупкий и до крайности подозрительный юноша лет двадцати трёх на вид. Его волосы цвета лепестков белой лилии доходили почти до плеч и надо лбом были собраны резинкой (в Шолохе мы называем такую причёску «фонтанчик»). Глаза — огромные и ярко-голубые, черты лица — очень нежные, как у какой-нибудь принцессы: даже её величество Аутурни, не к ночи будет помянута, рядом с ним не показалась бы настолько эфемерной, как обычно.

А вот взгляд у пришедшего по мою душу норшвайнца был дерзкий. Донельзя насупившись, он придиричливо оглядел меня с головы до ног. Я не отставала, внимательно изучая его обтягивающий чёрный костюм в стиле горного охотника и такого же цвета короткую накидку с широким капюшоном и серебристой вышивкой.

— Мастер Силграс Авалати, я полагаю? — выплюнув ложку, спросила я с максимально возможным достоинством.

— Да. А ты — Тинави из Дома Страждущих? Я нашёл твою записку.

Признаться, я удивилась. С одной стороны, Силграс с ходу обратился ко мне с дружеским «ты». А с другой — гордо вскинул подбородок и почему-то продолжил смотреть на меня с откровенным вызовом. Исходя из моего опыта, после таких взглядов помещение наполняется брошенными перчатками, пощёчинами и криками: «Ах ты сволочь!»

Прах, неужели я умудрилась написать что-то невежливое?.. Другая страна, другой язык и менталитет — будучи опытной Ловчей, я уверена в своих знаниях чужих культур, но оплошности всё же случаются. Особенно велик их процент, когда корябаешь записку, в три погибели скрючившись под дождём.

Впрочем, в следующее мгновение у меня отлегло от сердца.

— Мне понравилось твоё письмо. Оно было весьма убедительно, поэтому я готов сопроводить тебя, хотя обычно не беру клиентов в такую погоду, — слегка запальчиво сообщил Авалати.

— О-о-о! Прекрасно! В глубине души я всегда подозревала, что эпистолярный жанр — это моё. Тогда какой план?

— Мы отправляемся сегодня в полночь, после того, как взойдёт Игольчатая звезда. Я буду ждать у ворот трактира. Если тебя укачивает — возьми какие-нибудь леденцы. Мой кэб маленький и его будет трясти на перевалах. И да — с нами поедет ещё один путешественник.

— Такой же убедительный, как я? — с улыбкой прищурилась я.

— Нет, — Силграс с шумом выдохнул. — Ещё хуже. В смысле лучше. В смысле... Ты поняла.

Мы ещё немного поболтали. В ходе разговора мастер Силграс оставался всё таким же насупленным: судя по всему, у него просто был такой характер — типаж «бука» во всём своём великолепии. Наконец, рассмеявшись — настроение у меня было превосходным, — я по столешнице придвинула ему монеты, запрошенные для предоплаты.

— Не опаздывай и наберись сил, — сказал Силграс перед тем, как уйти. — Путь будет долгим.

Минутная стрелка старинных часов в моей комнате показывала без четверти полночь, когда я перекинула через плечо сумку (люблю путешествовать налегке; всё необходимое покупаю по ходу дела) и вышла из номера.

Припозднившиеся гости ужинали, перекидываясь шутками и игральными картами, Шоффри протирает глиняные бутылочки с травяными ликёрами.

— Уже уезжаете? Жаль. Да поцелует вас владыка горных дорог, госпожа Страждущая! — пожелал он мне на прощанье.

Именно так звучит общепринятое в Норшвайне напутствие. Помимо него, тут популярны такие фразы, как: «Да не приглянешься ты ледяной леди!», «Да услышишь ты шёпот ручьёв и трав!», «Да обнимет тебя господин ночных туманов!» и, конечно, ёмкое: «Упаси тебя от Лешего».

Все эти и многие другие благословения связаны с так называемыми *альвами*. Альвы — это около дюжины могущественных существей, испокон веков живущих в землях Норшвайна. Кто-то считает их духами, кто-то чудовищами, кто-то колдунами — полагаю, что истина, как всегда, где-то посередине. Так или иначе альвы активно участвуют в жизни графства: один требует называть в честь него детей, родившихся на рассвете, другая регулярно превращает живых людей в своих призрачных слуг. И так далее. Что ни говори, а у каждой страны есть свои причудливые обитатели, наследившие в её истории так, что мама не горюй.

Это радует: мир такой интересный! Но и пугает: ведь ты никогда не знаешь, от какой ещё загадочной сущности огребёшь.

Дождь наконец-то кончился. Небо расчистилось, и даже туманная дымка застенчиво ускользнула в ущелья. Дотоле скрытый пейзаж явил себя во всей красе.

Я застыла на крыльце трактира, любуюсь.

Осколок луны и созвездия на своей бархатно-чёрной подушке казались невыносимо близкими. Город спал, убаюканный их драгоценной песней, а горы вокруг высились острыми ножами, будто пытались сберечь какое-то сокровище. Среди них, бесконечно-тёмных в ночи, выделялся ярко-белый пик Осколрог — ледник-альбинос, наверное, чувствующий себя ужасно одиноким.

От поэтического созерцания природы меня отвлекла внезапно распахнувшаяся дверь сеновала, пристроенного к гостинице.

Дикий скрип, удар, чьё-то бормотание — и дохнувшее изнутри карамельное тепло.

На улицу шагнул высокий стройный мужчина в голубом плаще. В руке он сжимал саквояж, щедро украшенный разноцветными лоскутками ткани.

— Ох! Аллилуйя! — воскликнул чужак в никуда. — Сеновал, ничего личного, но я рад, что мы с тобой расстанемся.

Ага. Вот, кажется, и мой попутчик.

Мужчина закрыл сарай, утешительно бормоча ему что-то вроде: «Ты, главное, помни, что в целом ты очень хороший, дело не в тебе, а во мне» — и наконец повернулся в мою сторону. Из-под опущенного капюшона было видно только нижнюю часть лица — весьма привлекательную.

Обнаружив, что у его воркования с сеновалом были свидетели, путешественник на мгновение застыл. А потом отмер и застыл заново, на сей раз прицельно глядя куда-то в район моих сапог. Очень медленно его губы расплылись в некоей понимающей улыбке. Он сбросил капюшон и поднял голову.

Я даже назад отступила.

Никак не ожидала такого всплеска яркости в темноте! Огненно-красные волосы, рассыпавшиеся по плечам, горящие синие глаза, румянец энтузиазма на красивом лице.

Неужели он тоже из Шолоха? Чем-то ужасно родным и лесным веет от этой жизнерадостной красочности!

Между тем незнакомец сдул упавшую на лицо прядь волос и целеустремлённо направился ко мне.

— Берти Голден-Халла! — непререкаемо представился он, протягивая руку.

Нет, судя по акценту, всё же не шолоховец.

— Тинави из Дома Страждущих! — бодро отозвалась я.

— Я так понимаю, сейчас мы вместе будем совершать побег. — Улыбка господина Берти не уместилась на лице. — Мастер Силграс сказал вам про леденцы от укачивания? Я стащил горсть из гостиницы. Могу поделиться.

— О, прах! Я тоже стащила. Причём последние.

— Ну вот, Шоффри нас возненавидит, — цокнул языком Берти.

— Хорошо, что мы уезжаем, получается, — я развела руками, и мы рассмеялись.

Этот смех был полон облегчения. Думаю, в каждом из нас живёт древний липкий страх — наткнуться на ужасного попутчика, от которого просто некуда будет деться. Мучительные часы пыток! Сейчас страх не оправдался, так что я мысленно возносила хвалу своей удаче. Господин Голден-Халла явно занимался тем же.

Как раз в этот момент у трактира притормозил кэб, запряжённый одной лошадкой.

Карета была необычайно маленькая: в Шолохе её бы сразу цинично обсмеяли перевозчики-кентавры, причём максимально обидными словами (чем-нибудь типа «свистулька»), но здесь, среди гор, такой размер казался вполне рабочим. Самое то лавировать на узких, почти отвесных дорогах.

С козел прыгнул мастер Силграс Авалати, всё в той же чёрной мантии с серебряными узорами. Как и днём, он выглядел замкнутым и слегка насупленным.

— Привет, — возница открыл дверцу кэба и указал на предназначенный для багажа люк. — Вещи можно убрать сюда.

Но отсек оказался таким маленьким, что туда влезла только моя сумка. А вот саквояж Берти — нет. После это-

го мы потратили некоторое время на то, чтобы придумать, как нам сложиться в наиболее удачный пазл в этом крохотном кэбе, рассчитанном скорее на одного полного человека, чем на двух худых плюс багаж.

Мастер Силграс стоял у открытой дверцы и жевал какую-то булочку, выжидательно наблюдая за нашей вознёй.

В итоге мы с Берти кое-как устроились на противоположных сиденьях, сняли обувь и перекинули ноги через проход. Саквояж уместился на полу. Уже сев, мы поняли, что не сняли плащи, в которых по пути наверняка будет жарко. Разоблачаясь, мы то и дело стукались коленками и локтями, а один раз я так приложилась затылком, что искры заплясали у меня в глазах.

Мастер Силграс продолжал сосредоточенно жевать.

Когда кэб, обретя равновесие, наконец перестал шататься, он изрёк:

— Я забыл сказать, что в ящиках под сиденьями есть подушки и пледы. С ними спать будет удобнее. Достанем?

Да ты издеваешься!..

— Я думаю, обойдётся, — увидев непростую гамму эмоций на моём лице, протянул Голден-Халла.

Силграс без лишних комментариев захлопнул дверцу и вскарабкался на своё место. Послышался его резкий посвист, щелчок кнута — и вот карета уже покатила вниз по улице.

Отодвинув шторку, я смотрела на то, как мелькают за окном ночные огоньки Врат Солнца. Голден-Халла делал то же самое, и в стекле я видела его отражение.

— Тинави, — поймав мой взгляд, он улыбнулся, — обычно я не делаю таких предложений в первые полчаса знакомства, но... Давай перейдём на «ты»? Как по мне, это самоотверженное, плечом к плечу, сражение с кэбом сблизило нас быстрее, чем смогли бы светские разговоры. Как-то глупо «выкаты» человеку, которого только что бил коленкой в живот.

Я энергично закивала:

— Я только за! И прости за тот удар. Не то чтобы у меня есть привычка дубасить симпатичных малознакомых людей. На самом деле я мирная.

— Ну-ну. Тот единственный шолоховец, которого я хорошо знаю, тоже так говорит, однако по факту он столь суров и беспощаден, что меня аж дрожь пробирает.

— Как ты догадался, что я из Шолоха?!

Голден-Халла лукаво наклонил голову.

— Акцент.

— Ну вот! А я не могу распознать твой.

— Это потому что я из города и района, где даже у каждой чайки своё произношение — спасибо самой активной в мире морской торговле.

— Неужели Саусборн?

— Бинго!

— Обожаю его!

Берти обрадовался:

— Ты бывала там?

— Ага, один раз, и мне очень понравилось. — Я схватилась за дверцу кэба, когда он подпрыгнул на какой-то кочке. — А ещё мой близкий друг оттуда родом. Признаться, сам он не в восторге от Саусборна, но мои тёплые чувства к городу лишь окрепли после нашего знакомства... Раз ваша южная столица породила такую замечательную бестолочь, дорогую моему сердцу, то я не могу не быть ей благодарной!

— Мне нравится такой подход! А в каком районе жил твой друг?

Я хотела ответить, но вместо этого широко, протяжно зевнула. Берти тотчас повторил за мной, ещё упоительнее.

— Если не ошибаюсь, он жил... — начала я, мучительно борясь с внезапно нахлынувшей сонливостью, — ...где-то возле резиденции архиепископа... — Язык еле ворочался.

Так. Вообще, это ненормально. Меня не может вот так взять и выключить — я же выпалась, и...

Я услышала слабый удар, когда лоб Берти стукнулся о стекло, а мгновение спустя сама сползла вниз по сиденью кэба.

Подушки бы всё-таки пригодились.

З ПОД АЛМАЗНЫМ ПРИЛАВКОМ НЕБА

Седые горы полны тайн. Искажения магии, погодные разломы, потерянные во времени деревни — если бы эта территория не таила столько опасностей, она была бы воплощённой мечтой для любознательных путешественников.

*Пошэто Санатри,
картограф*

Берти Голден-Халла

Берти проснулся из-за давящей тишины, вдруг навалившейся на уши, развернувшейся в нестерпимый отдалённый звон.

Голден-Халла открыл глаза и насторожённо замер. Ноги, согнутые в коленях, затекли, в крохотном салоне было темно и ужасно холодно. Кэб стоял на месте. Снаружи не доносилось ни звука.

Берти отодвинул шторку и ахнул, увидев, что случилось с окном... Затем перевёл взгляд на свою спутницу, сидящую напротив, так же крепко спящую, как он сам ещё минуту назад.

Всё это очень подозрительно.

В голове кружил хоровод вопросов, каждый из которых жаждал прозвучать первым, и Берти аккуратно отделял их один от другого, одновременно с тем глядя на то, как у Тинави во сне подрагивают пальцы и ресницы.

Страждущая тихонько вздохнула. Её длинные ярко-каштановые волосы разметались по подголовнику сиденья,

кожа, обласканная трепетным лесным солнцем, была хо- лёной и свежей, на скулах и носу играл лёгкий румянец. Одежда не скрывала фигуру, и Берти подумалось, что он мог бы обхватить её талию двумя ладонями. Лицо той классической красоты, которую ценят в любых культурах, сейчас было спокойным и безмятежным, хотя по его чер- там Голден-Халла видел: обычно Тинави много улыбалась и смеялась. Однако наравне с этой живостью и открыто- стью, свидетельствующей о компанейской дурашливости, во внешности Страждущей таилась неуловимая загадка — миражная, неземная. И, может, страдание? Странное со- четание. Странное, манящее и... ужасно знакомое.

У Берти сжалось сердце от внезапно пришедшего ощущения близости. Какое-то время он любовался Тина- ви, потом встрепенулся, отвесил себе мысленную пощё- чину («*Это ещё что? Неуместнее не придумаешь!*») и посту- чал в стенку у себя за спиной, надеясь, что Силграс отзо- вётся. Но в ответ была лишь тишина, становившаяся всё гуще от минуты к минуте. Она обволакивала кэб и двух сидящих в нём людей, заставляя двигаться медленнее, чувствовать, как тяжелеют веки, а предметы по краям будто текут, как вода.

Берти шёпотом окликнул:

— Госпожа Тинави!

Страждущая сонно шевельнулась.

Сыщик повторил:

— Госпожа Тинави! — и легонько побарабанил паль- цами по её коленке.

Тинави из Дома Страждущих

Мне снилось, что я мёрзну в бесконечной темноте кос- моса.

Я парила без возможности двинуться куда-то, а планеты и звёзды равнодушно наблюдали за мной со стороны. Каза- лось, впереди ждёт что-то нехорошее; страх иглами покаль-

вал сердце. От пронизывающего холода сводило зубы, меня засасывала головокружительная глубина галактики, и мне чудилось, будто кто-то — нехороший, невозможный, непостижимый — ищет меня, чтобы убить. И вот-вот найдёт.

— Тинави!

Лёгкие пальцы коснулись моего колена, и я мгновенно проснулась.

Сначала я почувствовала облегчение оттого, что невнятный кошмар закончился. А потом — замешательство, потому что холод никуда не делся. Стал только отчётливее наяву: меня колотило так, что зуб на зуб не попадал.

Надо мной склонился Берти — его лицо было бледным и насторожённым в лучах лунного света.

— Что случилось? — почему-то шёпотом спросила я.

Впрочем, ясно почему: нас окружала мёртвая тишина. Она мгновенно съела мои слова, не успели они отзвучать. Нечто вязкое и неопределимое разливалось в ледяном воздухе. Кэб не двигался.

А окна были полностью покрыты... морозными узорами.

— Зима?! — тотчас воскликнула я с таким неподдельным возмущением, какого сама от себя не ожидала в данной ситуации.

— Вот и я обомлел! — рассмеялся Берти, возвращаясь на своё место. От звука его тёплого голоса мрачная атмосфера хрустнула и рассыпалась, обернувшись просто привлекательно-колдовской.

— Мы с тобой определённо столкнулись с некоей дорожной загадкой. — Голден-Халла открыл свой саквояж. — Я проснулся минуты две назад. Силграс не отзывается, за окном ничего не видно и не слышно, а выходить на улицу без тебя я не стал. На, держи, — он протянул мне комок воздушной синей ткани.

Это была шуфа — популярный тип зимнего одеяния, по сути являющийся подвидом мантий. Сделанные из тончайшей волшебной шерсти, шуфы буквально источают тепло — и очень удобно складываются, занимая совсем мало места в сумке.

— Укутывайся, госпожа Страждущая. У меня ещё есть, — и Берти потянул за торчащий зелёный лоскуток, виднеющийся на самом дне саквояжа. Раздался треск, но в итоге и второй наряд оказался на свету целый и невредимый.

Два зимних одеяния у одного человека посередине лета — это нестандартная ситуация.

Напрашивался вывод:

— Ты путешествовал по Седым горам?

— Ага, — кивнул Голден-Халла. — Поэтому у меня столько вещей: на каждую из погодных зон, которую в них можно встретить. И, знаешь, что-то мне подсказывает, что сейчас мы снова там. В смысле здесь. В Седых горах. Если, конечно, не выяснится, что мы проспали полгода и зима пришла естественным образом.

— Бр-р-р, надеюсь на первое!..

Седые горы — это древняя и таинственная часть Норшвайна. Огромные полупустые территории, где пару тысяч лет назад случился катаклизм, из-за которого теперь в них прах знает что творится с магией и погодой. Седые горы гораздо более пологие, чем соседние с ними Лиловые, местами они скорее напоминают холмы. Этот регион начинается сразу за цепью острых скал, с запада подпирающих Врата Солнца — и да, вполне возможно, что Силграс завернул туда, когда вёз нас прочь из города, но...

Что произошло дальше? И почему мы так резко уснули?

Обмотавшись шуфами, мы с Берти одновременно распахнули дверцы экипажа.

Ночной холод ударил меня в грудь, выбивая воздух из лёгких. Но почти сразу же организм адаптировался: сердце забилось быстрее, разгоняя кровь, и по телу разлилась приятная бодрость пополам с азартом.

Ибо ситуация была воистину странной.

Наш возница, мастер Силграс Авалати, отсутствовал на козлах. И мохноногая лошадка тоже исчезла. Пустые оглобли лежали на заснеженной дороге. Ну как минимум не было видно никаких трупов — а это уже хорошо.

Вслед за Берти я закрутила головой, изучая местность, в которой мы оказались. Это была узкая дорога, опоясы-

вающая заснеженный горный пик. Слева поднималась отвесная скала, справа притаился обрыв, в котором лежала безмолвная долина, увенчанная острой короной гор. Небо, похожее на перевёрнутый прилавок с алмазами, темнело наверху; под луной сверкали искорки снежинок.

— А вот и пик Осколрог, — Берти указал на ледник, чей знаменитый профиль в виде равностороннего треугольника украшал немало норшвайнских открыток. — Значит, это действительно Седые горы.

Я присела на корточки, а потом и вовсе шлёпнулась на колени и шустро поползла вокруг кэба, надеясь найти какие-то следы, хотя надежды на отпечатки сапог и копыт было немного: безе хрусткой колдовской дороги едва угадывалось под стремительной позёмкой.

К моему удивлению, Берти без промедления опустился рядом, да ещё и нахально пополз вперёд. Потолкавшись плечами в районе гипотетической лошади и не найдя ровным счётом ничего, мы с сомнением уставились друг на друга.

— Я сыщик, — объяснил Голден-Халла. — Частный детектив и колдун.

— Ух ты! А я — Ловчая на службе лесного короля.

— Так мы коллеги! — Он неподдельно обрадовался. — Теперь всё ясно. А то я думаю: и почему это у меня с ходу появилось какое-то странное чувство, что тебе можно доверять... Даже несмотря на то, что это ты увела у меня последний свободный номер в трактире, из-за чего мне пришлось спать на пепловом сеновале!

Моя улыбка, появившаяся в начале его монолога (да, доверять мне — замечательная идея!), в конце сменилась гримасой неловкости.

— Ты серьёзно? Я?..

Берти яростно закивал.

— Прах!.. А я всё стеснялась спросить, что это у тебя за привычки такие, что ты предпочёл ночевать в сарае, хотя явно не испытывал по этому поводу восторга... «Ммм, — подумала я, — так вот они какие — аскеты!»

— Ну, это не худшая возможная мысль, — хмыкнул Берти. — Так, ладно! Возвращаясь к нашей очаровательной ситуации. Я правильно понимаю, госпожа Ловчая, что просить тебя вернуться в кэб до выяснения обстоятельств — бессмысленно?

— Я бы сказала — абсурдно!

Всё это время мы продолжали стоять на карачках, но ни у меня, ни у Голден-Халлы это не вызывало ни малейшего дискомфорта. Рабочий процесс, подумаешь.

И вдруг саусбериец расширил глаза, бросаясь, как мне сначала почудилось, обниматься:

— Ты посмотри-ка!..

Я оглянулась.

В паре метров от нас над обрывом парила феечка. Треугольное лицо, острые уши, голубые крылья с синими прожилками и белоснежные волосы. Рост — не больше пяти дюймов.

Мне немедленно захотелось издать эдакий сюсюкающий звук, который свидетельствовал бы о крайней степени моего умиления. Но я сдержалась, потому что мне не хотелось показаться чокнутой в глазах Голден-Халлы, а умиление, скажем прямо, считалось не самой адекватной реакцией на пакостника *снуй*.

Снуй — это пусть и очаровательные, но всё же в первую очередь подлые феи, населяющие снежные горы (в путеводителях их также нередко называют *дúхами*). Встретив путников, они старательно привлекают их внимание и затем манят, манят за собой... Частенько — в самое сердце неприятностей, из-за чего во всех путеводителях огромными буквами пишут: «Не идите за снуи! Не надо!»

Однако большинству путешественников сложно послушаться этого совета по той простой причине, что духи снега испускают определённый феромон-приманку, вызывающий нестерпимое желание следовать за ними. И не важно, что брести приходится по жутким сугробам, блестя сердечками в глазах и мыча нечто невразумительно-восторженное.

В то же время, если человек когда-либо серьёзно учился колдовству, то на занятиях его вполне могли подвер-

гать действию такого феромона — в качестве прививки на будущее. И тогда встреченная в реальной жизни приманка не сработает. С такими умниками феям снуй приходится возиться дополнительно — петь им, плясать, упрашивать, — в общем, заворачивать по полной программе в стиле ярмарочного гипнотизёра, дабы всё-таки сделать своё недоброе дело.

Я в своё время подверглась влиянию феромона, спасибо обучению у магистра Орлина. (Мы с Дахху и Кадией тогда блаженно пускали слюни чуть ли не два дня подряд, одновременно с этим пытаюсь протаранить лбами стену, на которую наставник повесил акварельку с изображением духа.) Голден-Халла, видимо, тоже когда-то испытал подобные фантастические ощущения, вследствие чего сейчас его взгляд оставался ясным, а губы сложились в коварную ухмылку.

Но снуй, кажется, не понял, что нарвался на Людей С Грандиозным Опытом.

Увидев, что привлѣк наше внимание, дух сразу же с тонким пискком взмыл выше, вылетел на дорогу и помчал по ней прочь.

— Ну даѣт, — сказала я. — Хоть бы обернулся, проверил, как там «жертвы».

— Да уж, я ещё не встречал таких безалаберных злодеев... Наверное, это совсем юный дух. Представляю его разочарование, когда он поймѣт, что ловушка не сработала, — посочувствовал Берти.

Я задумалась:

— Слушай, а может, пойдѣм за ним?

— Тебе его *настолько* жалко? — изумился сыщик.

— Да нет, просто... Что, если это он увлѣк Силграса вместе с конѣм?

— Хм, — Берти прищурился. — Только если наш возница имеет медаль по скоростному распряганию лошадей: малыш-снуй явно не обладает такой добродетелью, как терпение. Однако, — сыщик пружинисто вскочил на ноги и подал мне руку. — Это пока наша единственная и лучшая гипотеза. В любом случае сидеть здесь нет ника-

кого смысла. Так что да! Сыграем в поддавки и порадуем крылатого пакостника!

Берти вытащил из кэба мою сумку и свой саквояж, и мы решительно бросились вслед за феей.

И никаких феромонов не надо!

* * *

Да, наш снуи действительно мог похвастаться крайней самоуверенностью.

Он летел то выше, то ниже, делал кульбиты, очевидно красуясь, но и не думал подстроить свою скорость под возможности предполагаемых жертв.

И не оглядывался.

Вообще.

Хвала небесам, снежный дух хотя бы летел над дорогой. Сигани он в обрыв, думаю, мы с Голден-Халлой умерили бы свой любознательный пыл. И, возможно, замялись бы перед тем, как посмотреть вниз, боясь увидеть там лепёшку, бывшую некогда Силграсом Авалати и его конём.

А так:

— Да погоди ты, дурында, эй! — отчаянно кричали мы.

Однако ветер уносил наши голоса в другую сторону, снуи не слышал, и поэтому, ругаясь и хватаясь друг за друга, как две сиротки, мы продолжали гонку в далеко не оптимальном, зато согревающем темпе. Радовало только, что дорога до сих пор была довольно утоптанной, несмотря на сыплющийся с неба снег.

Вдруг снуи замер. Он в кои-то веки оглянулся и очень критично посмотрел на то, как я на ходу, фырча и умирая от жары, расстёгиваю шуфу, а Берти вслух прикидывает, насколько ему ценен его саквояж — или прах с ним, пора бы его уже бросить, оставить трофеем для гор.

— Боги, неужели он остановился... — застонала я, готовая упасть от облегчения.

Дома я люблю бегать, но марафон по ночным горам в скользких сапогах и зимнем облачении с чужого плеча оказался чем-то, что определённо никогда не входило

в мой план тренировок. «Думал, что вёрткий мастак, но на деле — козлина-простак!» — наверняка высказался бы мастер Улиус, будь он тут.

— Снуи! — из последних сил заорал Берти. — Наконец-то! Погоди! Да-да, мы твои пленники — хей, Тинави, избрази восторг и слабоумие, пожалуйста, — но всё же нам, твоим верным рабам, нужно двигаться чуть медленнее, понимаешь?! Подожди минуту! Дай отдышаться!

В ответ снуи скривился, разочарованно пискнул и... с дикой скоростью штопором ввинтился в ночное небо, где исчез за считанные мгновения, смешавшись с искрящимся полем звёзд.

— Не-е-ет! — взвляла я и всё-таки позволила себе горестно рухнуть на дорогу. — Ты же должен был привести нас к неприятностям! Какого пепла мы проделали этот путь!

— Неужели я такой плохой переговорщик? — ужаснулась Голден-Халла.

Я меж тем всерьёз размышляла о том, стоит ли мне поесть снега, чтобы утолить жажду, или мой нежный организм окончательно откинется от таких приколов. Берти сел рядом. Снег вокруг безнадёжно таял, настолько мы были разгорячёнными этой гонкой. И это пугало меня куда больше чудовищ, потенциально способных выползти из темноты, ведь я — лучшая подруга одного из величайших ипохондриков Лесного королевства.

«Переохлаждение. Воспаление лёгких. Смерть», — услужливо бормотал у меня в голове гнусавый голос Дахху.

— Что будем делать, господин Голден-Халла? — выдавила я, пытаясь его заглушить.

Берти к этому моменту кое-как снова встал и, пошатываясь, отошёл к обрыву. Надеюсь, он не собирается сброситься.

— Хм. Как насчёт того, чтобы пойти и рассказать всем о том, как мы недовольны некачественными услугами местных фей? — после паузы протянул он.

— С удовольствием, но кому — всем?

— Тем, кто зажжёт огни! — в голосе сыщика вновь слышалось ликование.

Он подскочил ко мне и поднял чуть ли не за шкуру, заставляя встать. Из этого, уже забытого было положения, я вдруг разглядела сияющие очертания деревни, проступившие сквозь дымку вьюги внизу, под склоном, оказавшимся здесь куда более пологим, чем прежде.

— Хвала небесам и странному снуи-альтруисту! — возопила я, мгновенно приободрившись и уже предчувствуя живительную дозу тепла.

— Забавно будет, если не альтруисту, а просто работающему на деревню, — подмигнул Берти.

— Агрессивные стратегии внутреннего туризма? — фыркнула я.

— Страшный заговор сувенирных лавок.

— Значит, они тем более готовы принимать гостей хлебом-солью. Всё же — хвала!

Голден-Халла кивнул, подхватил вещи, и мы с новыми силами воодушевлённой парочкой мотыльков полетели на свет, под гору.

4 ПРИЗРАЧНАЯ ДЕРЕВНЯ

Волкодлаков всё больше. Мы не справляемся. Колдун из соседней деревни говорит, что они созданы из тени, лезут из ущелья, в котором когда-то погибли горные ведьмы. Если это не прекратится, нам конец.

Из чьего-то старого дневника

36 Поселение было окружено внушительным деревянным забором: казалось, жители деревни в любой момент готовы сдерживать осаду.

Голден-Халла постучался. Долго не было никакого ответа, а затем по ту сторону раздался монотонный голос:

— Кто вы и зачем явились в Долину Колокольчиков?

Берти многозначительно подвигал бровями, одними губами произнёс: «Женский голос лучше — вызывает доверие», и я, откашлявшись, дружелюбно заявила:

— Доброй ночи! Мы мирные путники. Наш возница пропал, мы его ищем. К вам никто не приходил в последнюю пару часов?

После продолжительной паузы, наполненной завыванием ветра в щелях забора, сторож так же безэмоционально поинтересовался:

— Вы хотите пройти в деревню? — мой вопрос он проигнорировал с невозмутимостью сытого медведя.

— Да, — сказала я.

Послышался скрип отодвигаемого засова. Ворота распахнулись, и мы с Голден-Халлой с любопытством уставились на бородатого селянина.

За спиной у него открывался вид на старинную деревушку. Узкие улочки, деревянные домики с острыми крышами. В паре окон, несмотря на экстремально поздний час, танцевало пламя свечей — за занавесками были видны тени местных жителей. Горбоносая старушка вязала, сидя в кресле-качалке. Мужчина и женщина целовались, не думая о случайных свидетелях.

А между домами были протянуты тонкие гирлянды, увешанные стеклянными колокольчиками. Они мелодично позвякивали, медленно раскачиваясь на ветру.

— Добро пожаловать в нашу деревню, путники, — размеренно сказал мужичок и указующе махнул рукой. — В конце улицы вас ждёт трактир.

Берти вежливо поблагодарил, а затем сощурился:

— Хей, так до нас сегодня кто-то приходил?

— В конце улицы вас ждёт трактир, — весомо повторил местный житель.

— Спасибо, что пустили! — улыбнулась я, но ответной улыбки не дождалась.

Сторож молча закрыл ворота и замер, лицом к ним.

Мы с Голден-Халлой переглянулись, а потом пошли по указанному адресу. Хорошо. Будем считать, сторож из той породы людей, что упорно не хотят выходить за границы обозначенных трудовых обязанностей.

В трактире было тепло и приятно пахло корицей, орехами и ванилью.

Этого хватило для того, чтобы, несмотря на сомнительность всего происходящего, я прониклась к заведению самыми нежными чувствами. Прах с ними, с потенциальными опасностями! Ради неба, пусть приходят, если мы договоримся чинить друг другу препятствия возле жарко растопленного камина.

Стоило нам с Берти переступить порог, как пухленькая барменша в кружевном чепце воскликнула из-за стойки:

— Добрый вечер, путники! Присядьте на лавку да выпейте грогу!

Голден-Халла помог мне снять промокшую шуфу, затем сбросил свою, оставшись в тонкой белой кофте с верёвочками на груди и в узких зеленых брюках. Магические браслеты — изумрудный и голубой — болтались на запястьях сыщика, длинные пальцы украшало несколько колечек. Глядя на них, я мгновенно вспомнила Польт — главного любителя обвешать себя всевозможными побрякушками, а потом безмерно смущать шолоховскую преступность тем фактом, что охотящийся за ней господин Ловчий выглядит ещё более неформальным, чем эта самая преступность даже в свои лучшие дни.

— Присядьте на лавку да выпейте грогу! — вновь крикнула трактирщица, уже погромче.

38 Я изумлённо обернулась на неё. Надо же, какая настойчивость.

Голден-Халла тоже вскинул брови, затем послушно опустился на скамью. Едва я села напротив, как трактирщица вышла из-за стойки и поднесла нам две дымящиеся кружки.

— Я угощаю. Сколько за них? — спросил Берти, вытаскивая кошелек, но трактирщица лишь молча развернулась и удалилась.

— Это странно, да? — я задумчиво проводила её взглядом.

— Очень, — согласился Голден-Халла. — Наша гипотеза о туризме разваливается на ходу: кошелёк был приманкой. Нужны новые теории. Но я не в состоянии нормально думать, когда так замёрз. Придётся сначала отогреться.

— Что ж, «присел на лавку — выпей грогу», — со смешком посоветовала я, с наслаждением обхватывая горячую кружку руками.

Берти склонился над напитком, понюхал и с опаской глотнул:

— Грог как грог, — вынес вердикт он.

— Пей-пей. А я подожду полчаса, вдруг отравает?

— Неужели ты такая жестокая? — заинтересовался Берти.

— Скорее, прагматичная. Чтобы спасти тебя, мне нужно быть в трезвом уме.

Голден-Халла вытащил из саквояжа три крохотных пузырька и гордо водрузил их в центр стола.

— Противоядия от самых популярных ядов, — пояснил он. — Разделим их пополам, если что.

— Ух ты! — Я бессовестно сунула нос к склянкам. — С ума сойти, какой ты запасливый. И вторая шуфа, и зелья...

— Стиль жизнь у меня такой, — рассмеялся сыщик. — Никогда не знаешь, куда занесёт.

— Кстати, а зачем ты приезжал в Седые горы? Отпуск, работа или что-то ещё?

— Всё вместе, — Берти вытянул ноги в сторону камина. — Я ездил в гости к другу. Для этого мне пришлось взять отпуск — с учётом того, что я работаю на себя, это, конечно, было очень ответственное мероприятие. Я торжественно написал самому себе разрешение и даже шлёпнул на него первую попавшуюся печать. И оставил всё это добро у себя на столе в кабинете, чтобы совесть моя была чиста, а по возвращении появился лишний повод пустить скупую слезу умиления оттого, какой же

я всё-таки молодец... Но по дороге в Норшвайн мне попала работа: я случайно наткнулся на жертв горных бандитов. Пришлось найти негодяев и отправить их к местным органам правосудия, а потом, в деревне неподалёку от хижины Моргана — это мой друг, — я успел поучаствовать в разгадке *великой тайны*...

Пауза.

Я заинтригованно застыла с кружкой, не донесённой до рта.

— Она называлась «Кто стащил лопату из коровника», — драматично и совершенно серьёзно провозгласил Берти. — Ты не представляешь, какие страсти кипели, когда выяснилось, что никто! Она просто упала за шкаф.

Мой хохот разнёсся по всем углам трактира.

— А твой друг такой же весельчак, как ты, Голден-Халла?

Он аж грогом поперхнулся.

— О нет, госпожа попугчица, нет-нет-нет. Мой друг... как бы тебе сказать. — Берти возвёл глаза к потолку. — Он скорее из тех, кто верит, что негодующая физиономия украшает его в разы лучше улыбки. И что нет ничего привлекательнее гордо вздёрнутого подбородка. И что всё хорошее должно начинаться со всего плохого: к любви нужен аперитив в виде ненависти, к дружбе — в виде мордобоя (ага, да, это мы с ним проходили). Короче, в душе он романтик, а на вид — редкая сволочь. Но вообще он шикарный! Думаю, он бы тебе понравился. — Берти весело подмигнул. — Тинави, а ты зачем приезжала в Норшвайн?

Я обрисовала ему причудливую конфигурацию своей жизни.

— У меня тоже отпуск. Экстремально длинный. И по некотором размышлении я решила посвятить его самостоятельному путешествию! А то так получилось, что в этом июле мои близкие либо разъехались кто куда, либо до смерти заняты. В частности, моему напарнику выдали серьёзную работу под прикрытием — видимо, чтобы добить его, трудоголика. Моя лучшая подруга отправилась на учения чрезвычайников на юге королевства...

— Чьи учения?..

— Чрезвычайников. То есть сотрудников Чрезвычайного департамента, который в Шолохе является чем-то вроде корпуса стражи, выходящего в авангарде в по-настоящему поганые дни для королевства. Мой второй лучший друг заперся дома, обложившись книгами — он пишет энциклопедию, и так уж вышло, что сейчас у него — самые продуктивные месяцы. А третий друг...

— Тоже лучший? — подколот меня Голден-Халла.

Я показала ему язык.

— Просто третий. На постаменте лучших есть место только для двоих.

— Боги-хранители, какая ты строгая!

— Да нет, не во мне дело, просто эти двое всех других отпинавают. Они, знаешь ли, дико ревнивые, хотя так и не скажешь. И кровожадные. Короче, мой третий друг — тот самый, кстати, саусбериец — сейчас отчаянно вгрызается в гранит науки, ибо его ждёт аттестация после тестового периода работы. Учитывая его бедовый темперамент, чем меньше будет вокруг отвлекающих факторов — тем для него лучше. Ну а ещё один мой друг...

— Я не понимаю, у тебя весь Шолох — друзья, что ли?! — возмутился Берти.

— Ну... Нет?

— Давай про врагов, Страждущая! Так интереснее!

— Э, ну... У меня был всего один. Но он теперь тоже друг. Наставник, точнее.

Голден-Халла закрыл лицо ладонью и издал череду каких-то странных звуков, которые по некотором размышлении я идентифицировала как смешки, граничащие с всхлипами.

— А мне ещё говорили, что у меня лёгкий характер, — пожаловался сыщик. — Вот только я почему-то случайной попутчице рассказал лишь о Моргане, а у тебя личности, обязательные к упоминанию, уже выстроились в длинную очередь, и, прах, я же слышу — все важны!..

— Возможно, я просто доверчивое трепло, не умеющее вовремя затыкаться, — утешила я. — Ну или твой

Морган стоит всех моих, вместе взятых. Хотя это вряд ли. Нет. Что я только что сморозила, боги. Забудь последнюю фразу!

— Посмотрел бы я на их противостояние, — прыснул Берти. — Вытаскиваем, значит, всех на ринг в каком-нибудь полуподвальном баре, и вот ты кричишь своей толпе: «Давайте! Правый фланг, боевая готовность! Левый фланг — устрашаем песней!» И я с другой стороны размахиваю флажками: «Морган! Морган!» — а он смотрит на меня как на идиота и говорит, что ему пора писать диссертацию.

— Ага, вот только ничего у него не выходит, потому что мои ребята мгновенно утягивают его с собой в какое-нибудь подозрительное местечко, мотивируя это тем, что пора спасать город, чью-нибудь репутацию или просто вечер.

— И мы с тобой остаёмся на ринге вдвоём со всеми своими флажками и ставками.

— Аминь!

Тем самым придя к полному взаимопониманию, мы торжественно приподняли чашки.

Разговаривая, мы то и дело косились на трактирщицу. Всё это время она стояла с широкой улыбкой — всё больше походившей на оскал — и смотрела мимо нас. То ли в стену, то ли в светлое будущее.

Признаться, это выглядело жутковато.

Зато, когда кружка Берти опустела, трактирщица мгновенно подошла и поменяла её на полную.

— Добрый грог для плохой погоды! — отрапортовала она, сразу отворачиваясь, не оставляя ни шанса на беседу.

А в разговоре с ней мы с Берти до пепла нуждались. Потому что, как бы приятно ни было вот так сидеть у камина и разглагольствовать о всякой восхитительной чуши, у нас вообще-то имелся список вопросов, требующих немедленных ответов. Как минимум пропавшие возница и конь камнем лежали на наших душах (и если учесть их суммарный вес, то получалась очень тяжёлая ноша).

— Не убегайте от нас, пожалуйста, — решив, что хорошего понемножку, взмолилась я и потянулась к локтю трактирщицы.

Но ничего не вышло.

Мои пальцы провалились сквозь руку почтенной леди, и, не успевшая я ойкнуть от неожиданности, как вся трактирщица пару раз мигнула, будто испорченная маг-сфера, а потом и вовсе исчезла...

А что до кружки — что ж, вполне материальная кружка продолжила плыть к стойке как ни в чём не бывало. Будто её так и держали в руках.

— Класс! — выдохнул Голден-Халла, выпрыгивая из-за стола.

* * *

Я тоже подскочила и вслед за Берти приблизила нос к керамическому боку посуды, которая возмутительно спокойно попирала законы вероятности и гравитации заодно.

Так мы и добрались до барной стойки: двое согбённых придурков, идущих приставным шагом, и плывущая между ними кружка.

— Ну и ну! — воскликнул Голден-Халла. — Теперь мне ужасно хочется пощупать того сторожа у ворот, не пойми меня превратно. Ещё когда он радостно встал лицом в калитку, мне подумалось, что с ним что-то глубоко не так, но я не стал заикливаться ещё и на этой странности — был слишком замёрзшим и уставшим, если честно. Но сейчас... Что, если сторож — тоже иллюзия?

— Вполне вероятно, — согласилась я. — А ещё может статься, что это не одноразовая иллюзия... Эта дамочка слишком упорно повторяла одни и те же слова и действия, не находишь?

Я не успела договорить, а Берти уже вовсю закивал и, схватив меня за руку, потащил к выходу из трактира. Не тратя время на одевание, мы, как были, выскочили на

улицу — бр-р-р, ну и холодрыга! — и старательно закрыли за собой дверь.

Прижались к ней спинами бок о бок.

— Три, — сказал Берти.

— Два, — отозвалась я.

— Один!

Сыщик распахнул дверь. Приветливо звякнул колокольчик. Прямоугольник тёплого оранжевого света упал на снег...

ТА-ДАМ!

Исчезнувшая было леди, целая и невредимая, снова стояла за стойкой и светилась, как ягодка *ошши*¹, воплощённое гостеприимство.

— Сядьте на лавку да выпейте грогу! — звонко начала она свою привычную песню.

Игнорируя её, мы захлопнули дверь и возбуждённо загалдели.

— Зацикленная иллюзия! — Я победно вскинула руки.

— Сценарий, который отыгрывается заново при нарушении алгоритма! — подхватил Голден-Халла. — Давай ещё раз попробуем?

Теперь уже я открыла дверь.

— Сядьте на лавку... — тотчас послушно донеслось от туда.

Голден-Халла влетел в таверну, подбежал к барменше, хлопнул её по плечу — она исчезла. Берти выбежал. Закрыл дверь. Снова открыл.

— Сядьте на лавку...

— Класс! — Голден-Халла утвердился в своей первоначальной оценке.

44

Едва мы оделись и окончательно покинули трактир, чтобы отправиться на разведку, как где-то неподалёку раздался скрип калитки, а затем из тихого проулка сбоку вынырнули три паренька. Когда они поравнялись с нами, Берти внезапно и подло толкнул меня на одного из них.

---

¹ О ш ш и — волшебные деревья, произрастающие в Шолохе. Знамениты огромными ягодами, светящимися в темноте.

Взвизгнув от неожиданности, я провалилась в сугроб сквозь мгновенно рассыпавшийся морок. Другие двое не обратили никакого внимания на скорбную гибель товарища. Но при этом они остановились: флегматично посмотрели на лежащую меня, стоящего Берти и наконец певуче сказали:

— Приветствуем вас, путники, в Долине Колокольчиков!

А потом вразвалочку пошли дальше.

Их равнодушие к почившему другу покорило тонкие струны моей души. Решив отомстить за призрака, я встала на локте, слепила два снежка и метко запустила их в юношей. Они лопнули.

— Так вам и надо, предателям! — Я гордо задрала нос, поднимаясь. А Голден-Халла притворно вздохнул:

— Эх ты! Со спины нападать — ну не подлость ли?

— Будто ты меня не в спину толкнул!

— Я думал, тебе понравится. И вообще: это было во имя науки!

Тем временем уже знакомые нам селяне решили повторно попытать счастья с улицей: вдруг на этот раз у них получится перейти её невредимыми? Прах там был: теперь я пихнула в их сторону Берти. Сыщик, взмахнувший руками, как крыльями, с одного падения съёс всех троих.

Наши эксперименты по проверке загадочной иллюзии уже готовы были превратиться в снежное побоище, сопровождаемое демоническим хохотом и взаимными подколками, но тут...

Из безмолвия снегопада нам навстречу неожиданно выступила хрупкая фигура в чёрном.

Улыбка растерянно съехала с моего лица.

Это был мастер Силграс Авалати. И по тому, как он выглядел, стало ясно: всё серьёзно. Призрачная деревня, до сих пор демонстрировавшая лишь шутовское лёгкое волшебство, теперь собиралась показать свою тёмную сторону.

5

ПЕРВЫЙ, КТО БЫЛ ЕМУ РАД

Я никогда не был так счастлив, как в те годы, и, видит небо, уже никогда не буду.

Из дневника очень грустного норвежца

Непосредственно внешность Силграса не изменилась. Всё те же белые волосы, выразительные голубые глаза и короткая чёрная мантия с серебряными узорами.

Но теперь от него исходило слабое дрожащее сияние, на фоне которого Долина Колокольчиков будто погрузилась во мрак. Вдруг стало заметно, какие всюду глубокие, длинные, будто кинжалы, тени, и как кружащийся в воздухе снег напоминает прах.

А главная перемена заключалась в том, что в ночном небе над Силграсом висела огромная лазоревая звезда. Удлиненная, многоконечная и объёмная, она казалась выточенной из сапфира. Вот только в мире нет драгоценных камней такого размера — звезда была с самого Авалати. Её испещряли трещины — тонкие, как паутинки, но столь многочисленные, что на душе становилось муторно: вдруг разобьётся?..

С ума сойти.

Я знала, что это такое. И Берти, судя по его удивлённому вздоху, тоже знал.

Звезда альва.

А значит...

46 Я перевела взгляд на возницу. В ответ Силграс посмотрел на меня так же угрюмо, как и прежде во Вратах Солнца.

— Да, я альв, — безрадостно буркнул он. — Рад, что вы знаете, что это такое.

Звезда, беззвучно хлопнувшись, исчезла. Сияние угасло, но разоблачённый им мрак Долины Колокольчиков не пропал бесследно, а до времени лишь затаился в пустых переулках. Увидишь однажды — уже не сможешь забыть.

— Какой именно из альвов? — дружелюбно спросил Берти, одновременно с тем упрямо пытаясь завести меня себе за спину. Я так же упрямо этому сопротивлялась.

Авалати достал из кармана мантии бумажный кулёк и яростно откусил от завёрнутого в него сэндвича.

— Я Силль. Владыка горных дорог.

О, боги. Так вот чьих поцелуев тут всем желают!..

— Как вы уже поняли, — продолжал Авалати, — местные жители — не люди, а лишь отражения реальных людей. И это моя вина.

Он замолчал, глядя в никуда и мрачно жуя сэндвич.

— Вам надо объяснять особенности моего бытия или вы в курсе деталей?.. — скучающе поинтересовался он.

У меня сложилось впечатление, будто Силграс старается вести себя намеренно заносчиво. Обычно люди делают так, когда им очень больно — но они стыдятся этой боли.

— Смотря о каких деталях ты говоришь, — я насторожённо прищурилась. — Едва ли стоит ожидать от чужестранцев дотошного знания ваших сказок — прости, вашей реальности, — но что-то я знаю.

— Я тоже, — кивнул Голден-Халла.

Надо сказать, что Берти при виде до пепла опасного существа не растерял свою солнечную приветливость. Он продолжал излучать стопроцентное доверие к миру вообще и Силграсу в частности. Вот только наша безмолвная борьба на тему моего запикивания ему за спину продолжалась, заставляя меня тихо и негодуяюще сопеть, а жующего Авалати — всё выше вскидывать брови.

Впрочем, оказалось, брови он вскидывал, чтобы намекнуть:

— Расскажите о том, что знаете.

— А, так это экзамен? — хмыкнула я и всё же вырвалась из хватки Берти.

Не зря, получается, для прощального ужина с родителями я выбрала ресторан «В объятиях Силля», где официанты при каждом подходе к столику так и норовили рассказать нам диковинную смесь из исторических фак-

тов и анекдотов об этом альве. Всё в моей жизни, как обычно, складывается в изящный узор из подсказок, намёков и знаков — но оценить его получается, лишь оглядываясь назад.

— Ты — древняя сущность, Авалати. Как и у всех альвов, у тебя есть «своя» гора — в твоём случае это знаменитый пик Осколрог. Твоя особенность заключается в том, что раз в энное количество лет ты засыпаешь, а просыпаешься уже новой личностью — с другим характером и без памяти о своих прошлых воплощениях. Лишь две вещи остаются неизменными — твоя магия, сосредоточенная в лазоревой звезде, и твой артефакт — магические колокольчики... В них ты можешь прятать воспоминания и предметы, и как раз на основе этих сюжетов будет строиться твой следующий сон.

— Судя по всему, в колокольчики можно спрятать кое-что ещё. — Берти задумчиво качнулся с носков на пятки и обратно. — Например, живых людей.

Авалати насупился ещё сильнее.

— Ага. — Он отряхнул руки от крошек и быстро вернулся к трактиру. — Пойдёмте в тепло, я расскажу всё там. Заодно поужинаем.

Мы переглянулись.

— А он на удивление любит поесть, да? — хмыкнул Берти. — Впрочем, меня это радует: благодаря этому у нас будет хотя бы одна приятная тема для разговоров. Потому что, чую, ничего хорошего он с таким горьким лицом не поведает. Но при этом... Тинави, ты сочтёшь меня психом, если я скажу, что я всё ещё крайне воодушевлён всем происходящим?

— Не сочту! — Я облегчённо выдохнула. Ура, значит, с Берти можно не прятать свой аморально-азартный блеск глаз. — С самого момента исчезновения трактирщицы часть меня беззвучно орёт от восторга.

— А, так вот что это за писк!.. Прекрасно. Мы признались друг другу, что мы маньяки загадок. Что ж, пойдём, преломим с одной из них хлеб.

— Только ты на всякий случай держи свои противоядия поближе.

— Договорились, госпожа Ловчая.

* * *

Для разговора Силграс выбрал не общий зал таверны, где нам снова громогласно предложили грог и лавку, а обшитую деревом гостиную на втором этаже. Здесь к тёплому запаху орехов добавились острые нотки перца и специй для мяса — незнакомая подавальщица накрыла для нас ужин.

Мы молчали, альв сосредоточенно трапезничал. Я искренне недоумевала, как всё это влезает в его тщедушное тельце.

— Я ем не просто так! — возмутился Силграс, когда количество брошенных мной в его сторону взглядов перешло границы всех приличий. — Еда нужна мне, чтобы сохранить оболочку. Я ношу это тело уже давно, если не буду питать его как следует, оно просто растворится, а мою душу тотчас вышвырнет обратно под гору. Если это случится, вы так и останетесь здесь, не узнав, зачем я привёл вас сюда и что произошло с Долиной Колокольчиков.

Я мгновенно пододвинула ему ещё тарелку:

— Очень вкусно, рекомендую.

— И вот это попробуй, дружище, — улыбнулся Берти.

Силграс посоветовал нам не тупить и тоже поесть — он что, зря нас угощает? — а потом, не поднимая глаз, всё-таки рассказал свою историю.

ИСТОРИЯ СИЛГРАСА АВАЛАТИ

Это случилось три столетия назад. Пик Осколрог, под которым спал Силграс, содрогнулся из-за прилива магии, и альв проснулся.

Странное чувство. Его сны были слишком похожи на смерть, чтобы он быстро смог прийти в себя.

Руки. Ноги. Глаза. Столько нового — ведь когда Силграс спал, у него отсутствовало тело, а прежде, в предыдущее пробуждение, оно было другим. Авалати не помнил, каким именно. Сны под горой надёжно стирали воспоминания о прошлом, и в этом плане, поймай Силграса какой-нибудь охочий до истории мира учёный, он разочаровался бы в разговоре с альвом.

Всё, что он знал сейчас о себе, умещалось в одну строку:

Силграс Силь Авалати, владыка горных дорог, носитель лазоревой звезды.

Если звание не несло никакой практической пользы, то звезду он мог зажигать, определённым образом прикасаясь пальцами к левой половине лица. Она была источником его магии и появлялась сама, когда он творил по-настоящему сильные заклинания.

Ещё у Силграса в ушах висели крохотные серёжки-колокольчики, и целая гора таких же была распихана по карманам чёрной мантии и даже по сапогам.

— Камень окаянный! — по-норшвайнски сердился Силграс, вытряхивал эти стекляшки из обуви.

Более или менее разобравшись со своим телом и вспомнив, что собой представляет подлунный мир, Силграс вышел из горы и побрёл прочь. Ему нравился снег, в любое время года укрывавший ледник Осколрог, поэтому Авалати решил остаться в ближайшей холодной зоне Седых гор.

Он шёл по пустынным долинам. Белые волосы развевались на ветру, босые ступни оставляли вереницу изящных следов, колокольчики тихо звенели. Они были гарантом того, что, когда он снова уснёт, хотя бы часть ожидающей его темноты раскроется яркими сновидениями.

В эти колокольчики Авалати мог прятать отпечатки мира. Если ему что-то понравится, будь то событие, место, человек или книга, Силграс создаст призрак этой вещи и запечатает его в колокольчике. Когда гора призвёт его и потяжелевшие веки опустятся — на долгие сто-

летия, *опять, чтоб их*, — тихий звон будет пронизывать его дрёму.

Один за другим набранные им драгоценные мгновения жизни влетутся в гобелен его сновидений, и Силграс сможет заново насладиться ими. Когда колокольчики опустеют, с ним останется только тьма. Так что в его интересах наполнить все — и выбирать как следует.

Но это могло подождать. У него ещё полно времени.

Удаляясь от Осколрога (местоположение пика он всегда ощущал, как невидимый духовный маяк, тянущую точку на карте мира, которую невозможно игнорировать, даже если захочешь), Силграс понял, что личность, которая досталась ему на этот раз, весьма импульсивна. И пока что — юна. Как обычно, ему предстоит какое-то время взростеть, после чего он останется молодым на долгие годы, вплоть до своего нового сна.

Сейчас Силграсу беспричинно, но остро захотелось сделать кое-что.

Остановившись на вершине какой-то скалы, Авалати сказал вслух:

— Я — человек.

Горы промолчали.

— Я — человек! — сказал он громче.

Тишина.

— Я! — закричал Силль во всю мощь, очень яростно. — Человек!

Его голос пронёсся над ущельями, спугнул птиц из ельника, заставил тысячеletние снега обеспокоенно заворочаться.

В душе Силграса после этих криков разлилось что-то вроде гордости.

— А раз так, — то ли пообещал, то ли погрозил он небу, заносчиво вскинув подбородок, — то я отправляюсь *жить*.

И, сердито топая, пошёл дальше.

На закате следующего дня Силль наткнулся на деревню. Высокие деревянные ворота открылись далеко не сразу.

— Проходи, мальчик, скорее проходи! — торопливо замахал ему сторож. — В это время года в горах неспокойно, зачем же ты путешествуешь в одиночку? Да ещё и... — Сторож опустил взгляд и неверяще воскликнул: — Босиком?!

Силграс кое-как выкрутился, сочинил удовлетворительную легенду, мимоходом выяснив, что его новая личность не только эмоциональна, но и весьма прелестна. Девушки, встретившиеся ему по пути в трактир, рекомендованный сторожем, смотрели на него с большим интересом и, хихикая, перешёптывались. Когда он останавливал взгляд на ком-нибудь из них, вся стайка мгновенно смущалась.

У Силграса не было денег, но был мешочек драгоценных камней — подарок его горы на прощанье. Перед тем как выйти, он раздробил часть из них на крохотные осколки. Камни было жалко, конечно, но шокировать жителей подлунного мира огромными изумрудами тоже не особенно хотелось. А так блестящее крошево, хоть и казалось немного эксцентричным, всё-таки заменяло крупные монеты.

На вид Силграсу тогда было лет четырнадцать. В трактире он повторно рассказал сочинённую у ворот сказку о том, что он умный сын богатых родителей, который досрочно окончил школу и решил несколько лет поскитаться по миру перед тем, как идти учиться в университет. Однако вскоре его ограбили, и именно поэтому он босиком и без вещей.

— Значит, не такой уж ты и умный! — прыснул из угла зала какой-то темноволосый парнишка, но сделал это весьма добродушно, поэтому Силграс не оскорбился, а лишь продолжил:

— Но несколько камней я спрятал под майку, и их не нашли.

Трактирщица посочувствовала ему, отказалась брать деньги и сказала, что всё могло сложиться гораздо хуже — ведь в этой местности в последние годы бесчинствуют волкодлаки. И тогда как людям нужны лишь день-

ги, волкодлаки — страшные монстры — предпочитают лакомиться человеческой плотью.

Силграс не стал говорить, что вчера он встретил парочку, после чего они, скуля и поджав хвосты, сбежали.

Для местных жителей волкодлаки являлись большой проблемой: высоченный забор вокруг деревни был построен как защита от них, а между домами протянули тонкие гирлянды с колокольчиками, похожими на Силграсовы. В случае нападения волкодлаков дозорные дёргали за сигнальный шнур, и всю деревню наполнял тревожный звон: «Беда, беда! Кто сильный — помогите держать оборону, кто слабый — прячьтесь скорее в подвалы!»

— Очень интересно, — сказал Силграс в ответ на рассказ трактирщицы.

— Очень страшно! — не согласилась она, вновь наполняя его чашку горячим молоком. — Не дай тебе небо услышать этот звон.

Но небо как раз таки дало.

Оно всегда было щедрым. Увы.

* * *

Той же ночью, незадолго до рассвета, Силграса Авалати разбудил отчаянный перезвон.

Сначала он вообще не понял, что это такое. Сквозь дрему ему показалось, что это звенят его колокольчики — *тут колокольчики, там колокольчики, да что за дурдом!..* Поняв, что в деревне бьют тревогу, Силль собрал волю в кулак и стал экстренно выныривать из густого варева сновидений. Получалось непозволительно медленно. Просыпаться ему было куда тяжелее, чем людям, Силграс буквально восставал из мёртвых каждое утро, и первые два часа был скорее похож на унылый труп, чем на того симпатягу, который ещё вчера вечером красовался перед зеркалом.

В общем, к тому моменту, как Авалати сбежал по лестнице на первый этаж, колокольчики уже затихли, а с ули-

цы доносились взволнованные крики и низкое рычание волкодлаков.

Волкодлаки смогли пробить забор: для этого они долго неистово ударили по нему мощными лапами, и вот одна из деревянных секций упала, не выдержав. Теперь три огромных чудовища, сотканных из всех оттенков тьмы и крови и по размеру имевших больше общего с медведями, нежели с волками, пытались прорваться внутрь.

Однако им мешал магический щит, перекрывший дыру.

Этот щит держали двое: рослый мужчина в распахнутом тулупе и тот самый мальчишка из трактира. Они были похожи. У парня из носа непрерывно текла кровь — признак магического истощения, но отец — наверняка это был отец — не говорил ему отойти.

Щит искрился, рискуя вот-вот рассыпаться, пальцы колдующих дрожали от напряжения.

Две дюжины селян с вилами наперевес стояли по бокам от них и тоже дрожали — от страха. Огромные волкодлаки с вздыбленной шерстью бешено кидались на пружинистую колдовскую стену. Кто-то из деревенских стариков тихонько завыл от ужаса.

— Держимся! — рявкнул мужчина, не оборачиваясь. У него был зычный голос настоящего лидера. — Если мы упадём — вилы вперёд! **ДЕРЖИМСЯ!**

— Есть держаться! — первым отозвался мальчишка, на удивление бойко, хотя кровь так и капала на снег. — Не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

54 — Давай, мастер Годри! Давай, Хёгола, молодчинка!!! — в ответ подзадоривали их селяне. — Есть держаться! Вилы вперё-ё-ё-ё!

Пусть боевой дух жителей деревни и был силён, лично у Силграса, бегущего к ним от трактира, не было никаких сомнений в том, что мастер Годри и Хёгола сейчас рухнут в обморок.

Хм... Значит ли это, что его новая личность ещё и скептическая? Или просто не выдаёт желаемое за действительное?

Пальцы старшего колдуна тряслись всё заметнее. Взмокшие тёмные волосы мальчишки облепили лицо, упрямо закушенная губа кровоточила, а кожа побледнела до цвета пшеничной муки. Но, как бы оба они ни упрямылись, твари снаружи были сильнее. Мастер Годри зарычал, вкачивая в щит ещё больше энергии, Хегола мгновенно повторил за ним, как вдруг...

Позади них прозвучало заклинание, произнесённое звонким голосом. Мимо колдунов пролетело белоснежное магическое плетение. Оно пробило барьер – селяне испуганно вскрикнули, – а потом, не замедляясь, набросилось на волкодлаков. Чудовища, ещё секунду назад истекающие слюной при мысли о человеческом мясе, вдруг заскулили, развернулись и бросились прочь.

Над деревней повисла недоумённая тишина...

Люди один за другим стали оборачиваться. Каково же было их удивление, когда их взорам предстал тоненький паренёк, такой лёгкий, что мог стоять на поверхности снежного наста.

Силграс Авалати, поймав на себе столько взглядов, выпрямил спину и загадочно потупил глаза с длинными ресницами. Потом тщательно отряхнул ладони, расклевывшиеся после колдовства, и, спохватившись, поправил свою непотребно сползшую с плеча ночную сорочку.

Когда до крестьян дошло, что их спас этот хорошенький хлюпик с треугольным личиком, они сначала пороняли челюсти, а потом, побросав вилы, стали медленно и опасно приближаться к нему – откуда такое диво?!

Но их всех обогнал мастер Годри.

Утерев пот со лба и одобрительно погладив по голове своего сына, он быстрым и решительным шагом пошёл к Силграсу. Его зелёные глаза горели огнём победы, ещё издали он протянул руку для рукопожатия. Не успел Авалати чинно сделать ответный жест, как из-за спины колдуна выскочил Хегола и тотчас с размаху бросился Силграсу на шею.

— Добро пожаловать в Долину Колокольчиков! — орал он прямо на ухо Авалати и, повторяя за отцом, радостно взхломатил ему волосы.

Чувствуя, как шерсть с плеча чужого тулупа набивается ему в рот, Силграс только удивлённо распахнул глаза.

6 СЧАСТЛИВЫЕ ГОДЫ В ИЗБЕ-У-КОЛОДЦА

Я не могу понять, кто нравится мне больше: мастер Хегола или мастер Авалати! Первый такой добрый и статный, я думаю, он будет хорошим мужем. Но второй вызывает у меня бурю эмоций, не всегда приятных, но таких будоражащих! А кто нравится тебе, Лайша?

Из разговора двух молоденьких селянок

Традиционно в деревнях Седых гор было две главные избираемые должности: староста и колдун, которые вместе обеспечивали поселению безопасность. Но в Долине Колокольчиков и ту и другую роль играл мастер Годри Тофф.

Кроме него, никто из взрослых жителей Долины не умел колдовать. И в то же время никто не был настолько обаятелен, упрям и энергичен, чтобы стать старостой.

56 Его единственный сын, Хегола, унаследовал отцовский дар к магии. А также внешность, надёжный открытый характер и привычку никогда, никогда не сдаваться. Матери у Хеголы не было: она погибла при первом нападении волкодлаков, объявившихся в Седых горах около восьми лет назад.

После триумфальной победы над тремя чудовищами никто не захотел отпускать Силграса Авалати. Он согласился погостить пару недель.

— Где ты научился такой магии?! — восхищался Хегола, который уверенно взял шефство над Силграсом, знакомя его с деревней и её жителями.

— Покажи, пожалуйста, что ещё ты умеешь, — оценивал его дар мастер Годри и одобрительно кивал, глядя на колдовство альва.

Силграс понемногу подпускал ментальные чары в рассказы о своём фальшивом прошлом, заглушал ими любопытство селян так, чтобы никто не заподозрил в нём владыку горных дорог. Но вскоре чары перестали быть нужны: Силграса признали за своего, и расспросы прекратились.

Да и сам он как-то незаметно забыл о том, что он чужак и собирался куда-то уйти. Магия была здесь ни при чём: просто Авалати *понравились* жить в Долине Колокольчиков.

Пара недель обратилась тремя, затем месяцем, ещё одним и ещё...

Вместе с Хеголой он ходил на охоту и рыбалку, а в тёплых лесах, расположенных за погодным разломом, собирал целебные травы для зелий мастера Годри. Учился в крохотной деревенской школе, где пользовался дикой популярностью, несмотря на свой колючий характер (а может, и благодаря ему). Помогал приютившему его старцу Луке с плотницкой работой. Вместе со всеми ездил в соседние поселения — на ярмарки и фестивали. Мастер Годри учил его и Хеголу магии. Эти занятия были полезны: Авалати тренировался колдовать по-человечески, не зажигая звезду, чтобы не выдать свою настоящую сущность.

— У тебя просто невероятный талант, — поражался мастер Годри, относившийся к альву как ко второму сыну. — Ты сможешь стать великим колдуном, Силграс. А ты, Хегола, замечательно контролируешь свою силу. Я горжусь твоим уровнем дисциплины.

Хегола действительно много времени уделял занятиям. Помимо магии, он каждое утро занимался стрельбой из лука и разнообразными физическими тренировками. Не говоря уже о дополнительных уроках по истории Седых гор и счетоводству.

Силграс же предпочитал не вылезать из кровати до тех пор, пока старец Лука насильно не вытолкает его из дома в сторону школы.

— Зачем ты так напрягаешься?! — сонно негодовал Авалати, когда Хегола однажды в субботу попытался разбудить его на рассвете, чтобы вместе попрактиковаться в колдовстве.

— Потому что мне нравится это. И потому что я хочу стать сильнее.

— Да отцепись от меня, я не покину эту кровать раньше полудня, Тофф!.. Почему Лука вообще пустил тебя в избу?! Лично я не хочу становиться сильнее! Дай мне умереть счастливым ничтожеством!

— С твоим талантом ничтожность тебе не светит, увы и ах. Но вот деградировать ты можешь. Посмотрю я на твоё лицо, когда с помощью труда обойду тебя в магии!

— Оно будет таким же, как сейчас, Хегола: сонным и злым... Уйди уже... Только... Это... Вернись за мной, если поедешь к реке купаться.

— Ну какой же ты лентяй!.. Хорошо. Вернусь.

Это были замечательные годы.

Вот только волкодлаков в окрестностях постепенно становилось всё больше. Они начали нападать гораздо чаще, чем прежде.

Дошло до того, что троем колдунам пришлось дежурить по ночам. Мастер Годри — вместе с Хеголой, которому было уже почти семнадцать и который сравнялся с отцом в колдовстве, а Силграс — в одиночку. Талант всё ещё обыгрывал дисциплину. Теперь, услышав волкодлаков, маги выходили за пределы деревни и встречали их там, пока остальная Долина пробуждалась. Так было безопаснее для селян.

Авалати не боялся этих ночей. Ему всё удавалось с лёгкостью.

Но однажды Хегола заявился к нему спозаранку, опёрся обеими руками о стол, за которым Силграс скупающе завтракал, и с горящими глазами сказал:

— Я хочу сторожить деревню вместе с тобой. Да, ты справляешься и сам. Но знаешь, что лучше борьбы в одиночку?

— Что? — Авалати задумчиво накручивал на ложечку цветочный мёд для оладий.

— Командная работа, конечно! Настоящая радость — знать, что вы победили *вместе*. С этим ничто не сравнится. Скажешь — нет?

— Не... не знаю. — Силграс слегка растерялся, с сомнением поднял взгляд на Тоффа: — А что в этом такого хорошего?

Тофф фыркнул, покачал головой в стиле: «Ну ты даёшь! Молодо-зелено!» Потом заговорщицки положил руку на плечо друга.

— Я покажу тебе, Силграс Авалати.

И с этих пор Хегола дежурил каждую ночь — то с отцом, то с альвом, отсыпаясь по вечерам. И когда волкодлаки напали в следующий раз, Силграс и Хегола вместе дали им отпор. Это было так странно: колдовать вдвоём, перекидывая напарнику нити плетения, слышать за спиной звон тревожных колокольчиков, топот выбегающих из домов селян...

— Понял? — улыбнулся после нападения Хегола и шлёпнул своей ладонью о подставленную ладонь Авалати.

— Понял, — облизнул губы тот.

Однако ситуация продолжала ухудшаться.

С волкодлаками было что-то не то... Казалось, избавляешься от одного — и вместо него появляются двое. Заснеженный лес кишел монстрами. Уже и днём нельзя было без опаски покидать деревню.

У других поселений, за погодными разломами, были свои беды, но все сходились на том, что Долине по-настоящему не повезло. Она стала невольным изгоем: не жила, а выживала, будто непрерывно держа осаду.

— Так больше не может продолжаться, — сказал мастер Годри на общем собрании после того, как волкодлаки ясным утром загрызли кружевницу Люффи, отправив-

шуюся к реке. — Надо разобраться с первопричиной — с костями тех ведьм в Гибловом ущелье, с которых всё началось.

— Но мастер Годри! — заголосили селяне. — Ведь откуда волкодлаки и лезут!.. Там их десятки, если не сотни!.. Это же порождения тьмы, мы никогда с ними не справимся!.. Видят боги, однажды кто-нибудь обязательно с ними покончит, а нам нужно просто потерпеть!..

Со своего места неожиданно поднялся Хегола.

— Боги видят лишь то, что делают люди! — звонко воскликнул он, и кое-кто закивал, соглашаясь. — Этим «кем-нибудь» должны стать мы с вами. Да, страшно. Да, опасно. Но больше некому, очнитесь! Другие деревни отказались присылать колдунов, ждуть нечего, петля лишь затягивается!

И снова много-много споров.

— Они правы. Неохота, конечно, но давайте я пойду в ущелье, — со своей привычной скукой в голосе неожиданно предложил Силграс, дотоле молчавший.

Хегола, приятно удивлённый инициативой друга, вскинул брови и улыбнулся. Авалати незаметно показал ему кончик языка.

— Нет, — подумав, возразил мастер Годри. — В ущелье пойдём мы с Хеголой.

— Но ведь Силграс сильнее! — воскликнул Хегола.

— Я *гораздо* сильнее! — негодуяще подскочил Авалати.

Все заохали — это прозвучало едва ли не оскорбительно, — но с усталого лица Годри не исчезло спокойное выражение. Мастер Тофф подошёл и положил тёплую руку на худенькое плечо колдуна.

— Вот именно, Силграс, — тихо и серьёзно сказал он. — Как раз поэтому я и доверяю тебе самое ценное — нашу деревню. Мы с Хеголой справимся, не переживай.

Мастер Годри взял с собой тех, кто вызвался добровольно.

В следующую пятницу отряд из двух дюжин селян во главе с ним и Хеголой отправился в сторону Гиблова ущелья.

Пока они отсутствовали, монстры три ночи подряд нападали на Долину, в большом количестве и яростнее, чем обычно, и измотанный Силграс понадеялся, что, возможно, на долю ушедших остаётся не так уж много врагов.

Однако в среду на закате из всего отряда вернулись лишь пятеро. Хегола был среди них. А вот мастер Годри — нет.

* * *

Всю ночь плакали по всей Долине Колокольчиков. Младший — а точнее, теперь единственный — Тофф закрылся в своей комнате и не выходил.

Не зная, что делать, Силграс молча бродил по дому друга и долго сидел, прижавшись спиной к закрытой двери спальни. За ней звенела надорванная тишина.

— Хегола, ты там? — спросил он наконец.

— Да.

— Ты в порядке?

Бесконечная пауза. А потом глухой, надломленный голос:

— Если бы ты, а не я, пошёл с ними, отец был бы жив. Твой талант мог бы спасти его — и всех остальных. А я не справился. Никого не смог защитить. Они доверились мне, и теперь они мертвы. Так что нет, Силграс, *я совсем не в порядке.*

Авалати не знал что ответить. Перед рассветом он беззвучно ушёл, не оставив в доме никаких следов своего пребывания.

Через неделю Хеголу Тоффа выбрали новым старостой, несмотря на юный возраст. Он попросил Силграса стать деревенским колдуном.

Сначала казалось, что горе навсегда поселилось в Долине Колокольчиков. Авалати почему-то было стыдно дышать в первые дни. Стыдно причёсываться, есть, чувствовать себя нормально.

Но мало-помалу боль утихла, на улицах снова стал слышен смех, а Хегола упрямо вернулся к своим ежедневным тренировкам по колдовству, бегу и стрельбе из лука...

«Я стану сильнее. Я больше никого не подведу».

Согласно обычаю Седых гор, колдун и староста жили и работали в главном деревенском доме, разделённом на две половины — в Долине его называли Избой-У-Колодца. Когда Силграс варил магические зелья и создавал охраняющие амулеты на своей половине, он слышал, как за стеной Хегола принимает селян с их жалобами и помогает находить решения. По субботам к дому с утра пораньше выстраивалась целая очередь, и Силграс, рыча и сопя, накрывал голову подушкой, потому что они топтались прямо у него под окнами, мешая спать.

Волкодлаков больше не было, но в Седых горах и без этого хватало чудовищ.

Следующим летом странная нежить стала угрожать деревне, находившейся за ближайшим погодным разломом. Соседи попросили у Долины Колокольчиков помощи. Сами они в своё время наотрез отказались помогать с волкодлаками, но...

— Мы поддержим их, — твёрдо сказал Хегола.

— И этих поддержим, — когда из другого поселения поступила похожая просьба.

Благодаря его решениям постепенно возобновилось давно потерянное сотрудничество между разными поселениями. Они стали сплочённые, чем когда-либо прежде. Расцвела торговля, вернулись праздники. И — нововведение — трижды в год между восемью деревнями решили проводить соревнования по разным ремёслам и играм. Это было так необычно — и так прекрасно!..

В остальные месяцы к турнирам активно готовились: всем всерьёз хотелось надрать задницы соседям.

И вскоре в Долине Колокольчиков сам процесс подготовки решили тоже сделать в виде соревнований — уже между селянами. На центральной площади, неподалёку от того самого колодца, возле которого находилась главная изба, поставили огромный щит, на котором писали

названия дисциплин, имена участников и их результаты. Получалась огромная таблица, возле которой целыми днями толпились зеваки.

И всё было бы замечательно, но по этой таблице вдруг стало видно, что Хегола Тофф катастрофически уступает Силграсу Авалати. Во всём. Даже в беге, хотя, казалось бы...

— Хм! — Хегола, стоя у щита, скрестил руки на груди под любопытными взглядами нескольких селян и самого Авалати. — Между деревнями в этом не соревнуются, но... Давай добавим шахматы, Силграс.

— Давай.

Проигрыш Хеголы.

— Прыжки в высоту.

— Хорошо. Я как раз хотел как-нибудь попробовать.

Проигрыш Хеголы.

— Бой на вилах.

— ...Э-э, мастер Тофф, но это звучит немного опасно...

— Отлично.

Проигрыш Хеголы.

Напряжение незаметно разливалось по деревне, ещё неясное, непонятное большинству, но некоторые уже озабоченно переглядывались: неужели они зря затеяли эту штуку?.. Но как теперь остановить соревнования: это же будет выглядеть так, будто все они Хеголу жалеют, унижительно выйдет, кошмарно?

Силграс Авалати не чувствовал подвоха. Ну, подумаешь, у Тоффа плохое настроение изо дня в день. Тоже мне, трагедия. Он всегда легко взрывается, но потом быстро отходит. Надо просто рассказать ему, как красотка Лойя Доренни беззастенчиво нахваливала его и всё пыталась выведать, есть ли у него подружка, пока Силграс смешивал ей микстуру от кашля. Лойя даже набралась храбрости, чтобы посоветоваться, как лучше предложить Тоффу пойти на свидание. Хегола от таких новостей живо придёт в себя. Он всегда стеснялся девушек — в отличие от Силграса, который заигрывал с ними почти профессионально (с каким-то своим, эгоистичным обая-

нием). Силграс знал, что Хегола в свои двадцать лет ещё ни с кем не встречался. До смерти мастера Годри он был погружён в их мальчишеский досуг и свои занятия. А теперь большую часть времени занимала работа старосты и опять же тренировки...

Хотя, ей-небо, половина селянок мечтала, чтобы заботливый, ответственный, красивый Тофф сорвал с их уст поцелуй.

— Пойдём в тёплый лес на охоту на куропатов? — предложил Силграс, привычно заходя на принадлежавшую Хеголе половину дома.

«Светлую половину», как он шутил, свою называя «тёмной», хотя как раз Силграс был беленьким, как гусиное пёрышко, а волосы Хеголы цветом напоминали о чёрном соколином крыле. Но в комнатах Тоффа всегда был порядок, а у Силграса царил такой безнадежный круглосуточный бардак, что и впрямь было темновато: загромождение предметов плодило тени.

— Не хочу. У меня много дел.

Тофф копался в свитках с отчётами селян о ярмарочных продажах.

— Ну Хе-е-е-егола. — Силграс капризной звездой разлёгся на полу, чуть ли не стал барабанить по нему ногами, как ребёнок.

— Отстань, Авалати. Иди работать.

— А может, всё-таки постреляем куропатов...

— Я сказал: отвали. Что тут неясного?

В глазах обернувшегося от стола Тоффа полыхнул гнев. Силграс мигом перестал канючить, резко сел и прищурился.

— Что-то не так?

— Я занят. А ты этого явно не понимаешь.

— Да ладно тебе, ведь всё это ждёт до завтра. Не слишком-то важные это бумаги — подумаешь, циферки...

— Не слишком важные?! — рявкнул Тофф, вставая из-за стола. — Силграс, я понимаю, что ты весь такой из себя молодой колдун и с ума сойти какая творческая личность, но на мне держится эта окаянная деревня.

Да, твоя магия — потрясающая, твои таланты — бесценны, и твои победы — что ж, блестящие, — Хегола сглотнул, — но... На мне — наши земли, наш скот, торговля, строительство и ещё пепел знает сколько всего. То, что ты ничего не смыслишь в моих «цифферках», не делает их неважными! Скорее, это кое-что говорит о тебе. Кое-что, что тебе *не понравится*.

Силграсу стало неуютно под взглядом старосты. Он молча поднялся с ковра и пошёл к выходу. Уже дотронувшись до дверной ручки, оглянулся. Тофф стоял, сложив руки на груди.

— Я пойду на охоту один, — глядя исподлобья, предупредил Авалати, будто рассчитывая, что друг передумает.

— Иди, — раздражённо бросил Тофф.

* * *

Последним в списке турниров было соревнование по стрельбе из лука. В первом туре было десять человек, во втором пять, ну и в третьем, конечно же, остались лишь Силграс и Хегола.

Они шли вровень, но с последней стрелой Тофф промазал. А вот Авалати — попал.

— Есть! — рассмеялся он и вскинул руку, чтобы привычно дать напарнику «пять».

Но Тофф в гробовом молчании повесил лук на стену и быстро ушёл. Никто не попробовал его остановить. Все стояли, не зная куда девать глаза, и вот тут-то наконец проняло даже Силграса. Пришибло запоздалым осознанием: для Тоффа эта игра давно перестала быть приятной.

— Ну... кхм... — сказал старец Лука, выходя перед зрителями и почёсывая бородавчатый нос. — Вот соревнования и закончены. Всем спасибо, до свидания... Увидимся... Э-э-э... В трактире за ужином...

— Думаете, Тофф придёт?..

— Да кто ж теперь его, Тоффа, знает-то...

Авалати моргнул. Внимательным взглядом обвёл расстроенных селян. Нет, они его не винили. И Хеголу не винили. Им всем просто было довольно паршиво, увы.

Силграс чуть не взвыл от досады. Потом впихнул лук в руки молочнику, сбросил колчан и бегом, не реагируя на крики «Ты куда, милый?!», помчался вслед за ушедшим Тоффом.

* * *

Тот, видимо, тоже бежал. Отпечатки сапог сначала вились по деревне, потом ускользали за ворота, продолжались в поле, на опушке, в лесу... Силграс перевёл зрение в «режим альва», позволяющий видеть дальше и глубже, чем люди, иначе бы он давно уже потерял след Хеголы.

Вечерело. Закатное солнце накололось на пик Осколрог и растеклось желтком неопределённого багряного цвета. Жгучий холод затопил овраги, птицы притихли в своих гнёздах, послышался жадный волчий вой и тихие скрипы старых деревьев, как будто мимо них проходило что-то большое, страшное...

С-с-сажа.

В соседних деревнях в последнее время только и говорили, что в лесу стало пахнуть прахом и кровью — а это вполне могло значить, что в окрестностях кое-кто появился...

С-с-с-сажа!..

Силграс побежал ещё быстрее.

— Хегола! — заорал он, прижав руки ко рту. — Не глупи! Возвращайся, Тофф!

В ответ лишь веточки хрустели под его ногами.

— Хегола! Козёл!

Вот с искусством убеждения у Авалати было так себе.

Силграс перепрыгнул было через поваленное бревно, но неожиданно зацепился за него штаниной и плашмя растянулся на земле.

— Чтоб тебя обуглило, — процедил он, сплёвывая ошметки коры.

Заскрипел снег под чьими-то решительными шагами, и в поле зрения альва показались два знакомых сапога. К ним прилагался Хегола Тофф: совершенно разбитый и злой, с воспалённо-красными глазами (плакал, что ли?), с застёгнутой как попало курткой и с искажённым от ярости лицом.

— Ну и что ты здесь бегаешь и орёшь? — рявкнул староста. — Неужели не ясно, что я хочу побыть один?!

— Из-за чего это, интересно?! — вспыхнул, в свою очередь, Авалати, взбешённый своим идиотским распластанным положением. — Из-за того, что проиграл? Ты что, девчонка, что ли, устраивать истерики из-за таких...

Он не договорил: Тофф поднял его за шкурку и, поставив на землю, тотчас грубо оттолкнул. Подвернувшееся под ноги бревно опять чуть не стало причиной падения, но на этот раз Силграс всё-таки устоял.

— Ты серьёзно не понимаешь?! — Глядя исподлобья, староста наступал на друга. — Вспомни, сколько времени тренировкам уделяю я. Сколько — ты. И каков результат, что в магии, что в чём угодно ещё? К чему это привело три года назад?! А к чему ещё приведёт?!. Арррр! Убирайся, Авалати! — чуть ли не взвыл он. — Вали обратно в деревню и хоть ненадолго оставь меня в покое, самовлюблённый ты глухарь!

— Что-о-о?! Как ты меня назвал?! Да иди ты в задницу, Тофф!

Хегола хотел ответить, но ему не дали.

Вдалеке раздался протяжный скрип старой ели, потом — шорох ветвей и тяжёлый звук удара о землю. Затем — ещё один. Деревья падали одно за другим. *Что-то*, идущее по лесу, скашивало их, как серпом.

— *Кто по лесу-леску идёт, ягоду волчью срывает; кто всю ночь от кошмаров кричит, хвою с ветвей обрывает...* — раздался призрачный многоголосый шёпот.

Тофф побледнел. Кровь отхлынула от его лица, кадык дёрнулся и, выругавшись, он схватил колдуна за локоть.

— Это Леший!.. Силграс, бежим отсюда!

— Поздно, — сказал тот, поднимая взгляд наверх.

Из-за деревьев вышло *оно*. Седая, косматая тьма, в которой проглядывали раздробленные кости, сложенные в огромную сущность, череп вместо лица, олени рога, украшенные отрезанными человеческими пальцами и ягодами рябины... Горящие красным впадины глаз. А на шее — мёртвые крысы на нитках, что и пели эту дикую песнь.

Леший утробно зарычал, глядя на две фигурки впереди, и тьма стала расползаться от него во все стороны.

— Бежим! — ещё раз рывкнул Тофф и попробовал, обхватив друга за плечи, просто утянуть его за собой, но тут Силграс...

...Преобразился.

Он коснулся пальцами своего лица — и тотчас взметнулись белым пламенем волосы, вспыхнули голубым глаза, и мягкое сияние окутало Авалати.

А главное — в небе над Силграсом загорелась огромная, созданная будто из драгоценного камня звезда. Такая же, как над Лешим. Но у Лешего она была яшмовая, цвета подгнившей брусники, а у Силграса — сапфировая, ясная и чистая.

Хегола Тофф застыл на месте.

Два альва. Боги-хранители, что происходит? Два альва...

Староста, как в тумане, наблюдал за боем. Сознание отвергало происходящее. Прошло пятнадцать минут — а может, и два часа, — и страшно раненный Леший, разбрызгивая чёрную кровь, сипя и держась за сломанный рог, сбежал, сопровождаемый визгом своих крыс. А Силграс — тяжело и хрипло дышащий, с безумным взглядом и оскаленными клыками — повернулся к нему.

Тофф с отвращением понял, что его буквально колотит от страха. Колени подгибались, хотелось лечь в сугроб и закрыть глаза. Но — не сдаваться, не бояться, не сомневаться!

— Нам, — сурово проговорил Хегола, стараясь не выдать свою панику, — надо поговорить.

— Да, — облизнулся Силграс и поправил волосы.

7

НЕДОЧЕЛОВЕК
И ЗАУРЯДНОСТЬ

Вы даже не представляете, как глубоко могут ранить слова, сказанные в пылу ссоры. Вы забудете о них, но другой будет помнить и чувствовать, как они подтачивают его сердце и вашу дружбу. Будьте осторожны с теми, кто вам дорог.

*Мариша Ленковала,
Мастер Лёгких Мыслей*

Хегола сохранил тайну Силграса Авалати.

Новость о том, кем на самом деле является его напарник, перекрыла для старосты горечь всех недавних поражений. Она была слишком будоражащей, волнующей, грандиозной. Этот секрет сильно сблизил их: в дружбу добавилось новое манящее измерение *истинной магии*, чего-то более глубокого и трепетного, стоящего над радостями и бедами повседневности.

Вселенная. Ткань времени. Бытие.

И — дорогой человек рядом, с которым можно всё это разделить, которому доверяешь, как себе. Возможно, даже больше, чем себе.

— Расскажи о своих предыдущих жизнях, — просил Тофф, когда они сидели на крыше Избы-У-Колодца с добрыми пинтами браги в руках.

— Да я ни пепла не помню, — отмахивался Авалати. — Когда я просыпаюсь, у меня в голове само по себе появляется знание о том, как устроен мир, магия, общество, я сам и другие альвы. Но о моих предыдущих воплощениях — ничего.

— А то, кем ты родишься, зависит от того, как ты вёл себя в прошлый раз, да?

— Конечно, — важно кивал Силграс. Тофф, как ребёнок, восторженно расширял глаза («Я знал, знал!»), но альв продолжал без паузы: — Я такой невероятный красавчик именно потому, что у меня ещё и сердце золотое. Кругом хорош. Ты что, не замечал?

— Ой, да иди ты, — разочарованно отмахивался Хегола.

— Нет, ты серьёзно веришь, — Авалати фыркнул, — что поведение может влиять на твою следующую жизнь?!

— Вот переродишься слизнем за свой отвратный характер, тогда и поговорим.

Тоффу заметно полегчало. «Мы завидуем только тем, на чьи успехи сами можем претендовать, — думал он, с прежним энтузиазмом вернувшись к своему самосовершенствованию. — Ави же — принципиально иное существо... Логично, что я не мог догнать его все эти годы. Но ничего. Ещё обязательно догоню!»

Силграс тоже выдохнул: он и не подозревал, что собственная тайна прежде тяготила его.

Конфликты они теперь переводили в разряд шуток. Если Силграс вёл себя эгоистично или слишком заносчиво, Хегола разводил руками: «Ну чего ещё ждать от идиотского альва!» Если Тофф ошибался или переживал из-за чего-то непонятного, Авалати закатывал глаза: «Сразу видно — слабый человечиска».

Вот только Хегола и Силграс не заметили, как эти ироничные упрёки стали такими привычными, что проросли в них уже безо всякого юмора, невольно вписались в их картину мира.

Надо думать, что повторяешь. Даже в шутку.

Потом было ещё многое. Ещё радости. Ещё беды — даже такие, что превосходили горе событий у Гиблова ущелья, однако не разбили дружбу старосты и колдуна...

Но когда им исполнилось по двадцать четыре года (Хеголе — по-настоящему, Силграсу — самопровозглашённо), Тофф влюбился.

Её звали Эльза, она не так давно переехала в Долину Колокольчиков и восхитительно играла на лютне. Хеголе никак не хватало духу что-то сделать со своими чувствами — признаться или что-то вроде того, но он постоянно трещал об Эльзе, и Силграс глубоко призадумался на этот счёт.

Авалати всегда обожали девушки, он неизменно был в центре внимания, но ни с кем всерьёз не сблизился. Теперь же ему захотелось выяснить, какая такая великая любовь мучает его напарника, заставляя его попеременно бледнеть и краснеть перед лицом новенькой селянки.

Силграс с головой нырнул в романтическую жизнь, что при его своеобразном подходе стало катастрофой для Долины Колокольчиков. Количество по уши влюбившихся и брошенных селянок росло как снежный ком.

— Твою ж мать, ты совсем сдурел, Авалати?! — не выдержав, влетел к нему с утра пораньше негодующий Хегола. — У тебя вообще сердце есть?!

— А что такого?

— Даже самый тупой человек понимает, что тут такого!

— Ну, я-то альв. — Силграс продолжал беспечно полировать ногти, пока Хегола не взял его за шкурку и хорошенько не тряхнул.

— Не вздумай. Больше. Так. Делать. Иначе я выгоню тебя к пепловой бабушке из своей деревни.

У Силграса внутри всё окаменело.

«Выгоню». Это был его самый сильный страх с того дня, когда они столкнулись с Лешим и Хегола увидел его истинную сущность.

Но со стороны тайное смятение Авалати не получилось бы заметить: на его лице не дёрнулся ни один мускул.

— Своей? Вот как мы заговорили? — Даже понимая, что староста *чепесчур* зол, Силграс не мог перестать язвить. — А я думал, мы побратались на крови и всё такое. Что, мне теперь жить в ужасе перед твоими решениями?..

— Я не шучу. Посмотри на меня, Силграс. В глаза. И поклянись, что ты прекратишь *немедленно*. Раз так припичило, выбери одну и женись, идиотина!

Тофф был серьёзен.

Очень серьёзен, и Авалати с тревогой понял, что он правда не совсем понимает, что так взбесило друга. Это

же *глупо*, боги. Как можно из-за этого переживать?.. Неужели старосте приличия и девицы важнее их дружбы? Как Тофф может так огорчаться из-за мнения каких-то людишек?

Стоп.

Авалати моргнул, сам себя поймав на этом презрительном слове: «людишки».

Пепел. Нет. Он так не считает. Жители Долины Колокольчиков важны для него. Они — его *дом*. Он их ценит, он уважает их всех, не только Тоффа, просто иногда они и впрямь ведут себя так наивно или переживают из-за таких малозначимых вещей... Такие глупые, ох... Сердце альва заколотилось.

Может, с ним действительно что-то не так, раз он так думает? Но разве это плохо — быть другим? Разве это значит, что ему здесь не место или его надо изгонять? Что ему надо сделать, чтобы Тофф так больше не говорил, ни в шутку, ни в ссорах?

— Поклянись, — повторно потребовал староста.

— Клянусь, — задумчиво кивнул колдун.

И сдержал слово.

Но слегка своеобразно...

Однажды вечером Хегола, по привычке с ноги распахнув дверь, ворвался на «тёмную половину» Избы-У-Колодца с какими-то срочными делами. Но Силграс внутри не бездельничал, как обычно, или не варил какие-то новые зелья, а...

Целовался.

72 С Эльзой Донохи. С той самой, в которую Хегола вообще-то был влюблён и кольцо для которой носил в кармане уже пару месяцев. И о чём Силграс знал, как никто другой. Помогал выбирать у городского ювелира...

Сцена получилась до ужаса некрасивая.

После этого, по давно заведённому им порядку, Тофф и Авалати умчались выяснять отношения в лес. Тофф убегал, Авалати догонял. Хоть что-то в этом мире осталось неизменным.

Староста и колдун орали друг на друга посреди заснеженной поляны, и с каждой новой репликой их слова становились всё жёстче и злее.

— Не вздумай ко мне приближаться, Силграс Авалати, иначе я за себя не отвечаю. — На Хеголу было страшно смотреть. — Ты клялся. Глядя мне в глаза, ты поклялся, что не разобьёшь сердце больше ни одной селянке. И я, идиот, тебе поверил, чтобы теперь ты крутил шашни с девушкой, которую я люблю?!

— Да Хегола! Да я просто...

— Просто?! — взревел староста. — Конечно, у тебя всё просто, бессмертный ты выродок!

— Я планировал её так отвадить! — зашипел, брызжа слюной и чуть не плача, Авалати. — Быстренько дать ей то, что она хочет, чтобы она разочаровалась, больше никогда не думала обо мне и пошла к тебе! Понимаешь?!

Хегола побледнел как полотно.

— То есть ты считаешь себя лучше меня, — каким-то чужим, глухим голосом сказал он. — А Эльзу считаешь шлюхой.

Силграс запнулся. Логика Тоффа от него ускользала.

— Как я мог, — Хегола поднял лицо к небу. — Как я мог всю жизнь видеть в тебе своего друга, почти брата, если очевидно, что всё человеческое, нормальное, *адекватное* тебе чуждо?

Голос старосты становился громче, он говорил быстрее, злее, напористее.

— Ты только притворяешься одним из нас, а на деле был и остаёшься самодовольным равнодушным чудовищем, Силграс. С тех пор, как я узнал, что ты альв, я делал на это скидку всякий раз, когда ты проявлял свой эгоизм, лень, бесчувственность, откровенную глупость и легкомыслие... — Тофф нарочито-театрально загибал пальцы. Когда таким образом сжался кулак, он без промедления врезал Силграсу Авалати. — Но я не прощу то, что ты полез к моей девушке, долбаный недочеловек!

У Авалати аж в глазах потемнело — то ли от ярости, то ли от боли, то ли от обиды на всё-всё-всё.

Сплюнув кровь, Силграс вскинул подбородок и тонко, по-змеиному улыбнулся.

— *Недочеловек?* — проворковал он. — Вот кем, значит, ты меня считаешь? Вечно укоряешь меня в высокомерии, а сам — посмотрите-ка! — всё не можешь принять того факта, что кто-то в этом мире в чём-то может быть лучше тебя! Всё сравниваешь, всё беспокоишься, обижаешься на любой, даже крохотный, проигрыш! Жаждешь свою Эльзу схватить за юбку и трясти, трясти, пока она тебе не скажет, что это ты, конечно же, тут герой, а если кто-то тебя и сильнее, то это просто потому, что ему повезло, да?! А на самом деле всего и всегда достоин был только ты, самый лучший мальчик?! — Авалати нарочито и зло засюсюкал. — Такие сказки тебе нужны, Хегола?! Вырасти уже наконец и признай, что вся твоя злость происходит из того, что ты гордец и завистник!

Лицо Хеголы окаменело. Желваки заходили под скулами.

— Я давно уже тебе не завидую, — прорычал он.

Силграс, отвлёкшийся, чтобы проверить пальцем зуб — не шатается ли? — замер. В голосе Тоффа было что-то... железное. Не такое, как во время прежних скандалов. Дыхание у альва перехватило от смутного и страшного предчувствия.

— Внутри у тебя лишь холод и пустота. — Тофф пожал плечами. — Ты думаешь о своих зубах больше, чем о нашей дружбе. Чему тут завидовать?

Это серое безразличие причинило Силграсу гораздо больше боли, чем могла бы даже самая грязная ругань.

— Ты пожалеешь о своих словах, Хегола, и... — начал он, глядя на напарника исподлобья, но тот, как не слыша, продолжал:

— Ты не меняешься. Вообще. Не растёшь и не развиваешься. Ты — данность, у которой нет ни настоящих чувств, ни привязанностей. Да и впрямь: что тебе наша деревня перед лицом бессмертия? Ты даже ничего не запомнишь, уснув. Естественно, тебе плевать на всех, кто

рядом. Так что единственное, о чём я пожалею, Силграс, так это о том, что считал тебя своей родной душой.

Авалати зарычал. Бесстрастное лицо вечно эмоционального Хеголы сводило его с ума.

— Ты врешь! — заорал альв. — Я меняюсь! Ещё как расту и меняюсь!

Вообще-то он хотел сказать: «У меня есть чувства и привязанности. Я был и буду твоим лучшим другом, идиот, даже если мир развалится на куски». Но Силграс не смог: ему было стыдно так говорить.

А Тофф лишь прикрыл глаза, на основе прозвучавшего ответа сделав свои — неправильные — выводы из того, что альву было важнее всего из услышанного.

«Почему, почему ты ответил именно так? Неужели я попадаю в точку, говоря все это?..» — с болью думал Хегола.

Вслух он лишь разочарованно и устало бросил:

— Неправда. Твои силы, характер и навыки ничуть не изменились за все эти годы.

Силграсу из-за этой чуждой интонации казалось, что его вновь и вновь обливают кипящей водой, варя заживо. Ему хотелось схватить Тоффа и трясти до тех пор, пока тот снова не станет орать, как прежде, как он делал всегда, после чего они обязательно мирились.

— А вот мои навыки, раз ты хочешь говорить именно об *этом*, — бесстрастно продолжал Хегола, — становятся глубже. Да, мне до сих пор далеко до тебя, но... Я нагоню тебя, Силграс. — Тофф вскинул подбородок. — Не пройдёт и нескольких лет, как я всё-таки превзойду тебя — и в боях, и в колдовстве. Потому что мне *есть* ради чего и ради кого становиться лучше. Моя деревня. Мой дом. Эльза. Ради них я горы сверну.

«А ради меня? — тупо подумал Силграс. — Я что — не семья? Какая-то левая баба, приехавшая год назад, дороже меня? И разве Долина — не мой дом тоже? Разве я ради неё не готов на всё? Ну и что, что я не человек?! Ну и что, Хегола?!»

Внутри у Силграса всё кричало и плакало, хотело объяснений, признаний (давай всем скажем, что я альв!), извинений (ну да, я зря её целовал, но я же хотел как лучше, прости, прости!)...

Но вместо всего этого мастер Авалати натянул самое стервозное выражение на лицо и, улыбнувшись, сказал:

— Говоришь, ты превзойдёшь меня за несколько лет? Ну давай проверим.

И вдруг, выбросив руку в сторону Долины, он призвал оттуда свои магические колокольчики, что уже много лет пылились, спрятанные под половицей в спальне. И, зажгя в небе лазоревую звезду, Силграс наполнил их. Вот только не отпечатками — а настоящими селянами. И зачаровал Долину так, что ничто в деревне теперь не было подвластно неумолимому ходу времени, а оставшиеся от людей призрачные копии лишь слабо реагировали на реальность.

— Расколдовывай, Хегола. Доказывай, что ты там хотел доказать, а я пока пойду по своим нечеловеческим, столь омерзительным тебе делам, — почти выплюнул Авалати, чувствуя, как его сердце отчаянно колотится, готовое разорваться то ли от боли, то ли от ужаса при мысли о только что содеянном. — Передумаешь или поймёшь, что я хотел как лучше — Эльза *сама* на мне повисла, идиот, я *всегда* держу свои обещания, — тогда разбей вот это. И я вернусь.

И альв швырнул в лицо побелевшему старосте последний оставшийся колокольчик, который все эти годы носил как серьгу.

Развернулся. Ушёл.

* * *

Тинави из Дома Страждущих

На этом месте Силграс надолго замолчал.

В натопленной комнате разлилась тишина, янтарная и густая, как медовуха.

— Что случилось потом? — наконец прервала молчание я.

Силграс не спешил отвечать, зато отозвался Берти:

— Я так понимаю, — сыщик пристально посмотрел на альва, — что ничего хорошего. Раз уж по улицам до сих пор бродят призраки, а не люди.

Авалати кивнул:

— В первые несколько дней Тофф не стал звать меня. Я ошивался здесь неподалёку, всё ждал, пока он разобьёт тот колокольчик. Но он всегда был слишком упрямым. При этом я знал, что он никак не сможет расколдовать Долину: заклинание альва может снять только сам альв. Без вариантов. Меня мучила совесть. Иногда я хотел вернуться, но... — Авалати поморщился. — Но всё же мне казалось, что правильнее будет, если он позовёт, ведь это он тогда на меня накричал первым.

Я аж поперхнулась.

О да. А ты запихнул всех ваших близких в волшебные колокольчики, это ничего?

— Сейчас-то я понимаю, что был не прав, — процедил Силграс, заметив мой красноречиво-убийственный взгляд. — Ну а потом...

Авалати опустил голову и потёр нос костяшками пальцев.

— Леший нашёл меня вместе со своими чудовищными прихвостнями. И отомстил за ту нашу старую драку в лесу. Я тогда сломал ему рог — а это страшное оскорбление... Он мстил и прежде, я сейчас не стал рассказывать об этом, чтобы не удлинять и без того долгую историю, но в этот раз... Впервые я не смог дать отпор. Он очень сильно ранил меня, а я всё ещё был слаб после зачарования деревни. Я нашёл в себе силы доползти до Долины Ручьёв и Трав, где властвует зелёная госпожа, и уснул там. Не своим настоящим сном, а просто — исцеляющим. Проснулся я, — Силграс облизнул губы, — прошлым летом. То есть двести девяносто лет спустя.

От такой чудовищной цифры у меня закружилась голова. *Двести. Девяносто. Лет.*

